

СВЕТ ВО ТЪМЕ

Т И М О Ф Е Й М Е Д В Е Д Е В

Книги жизни

Тимофей Медведев

Свет во тьме

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Медведев Т. Л.

Свет во тьме / Т. Л. Медведев — «Эксмо», 2017 — (Книги жизни)

ISBN 978-5-699-93602-1

Что в действительности происходит за кулисами видимой реальности, как развивается противостояние сил тьмы и сил света, каков расклад сил и главное, как мы можем помочь «нашим» в нескончаемой борьбе за души? Эта книга написана как ремейк известного произведения «Тьма века сего» Фрэнка Перетти с глубоким уважением к таланту автора. Ее действие происходит в современной России в хорошо знакомых нам реалиях.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-699-93602-1

© Медведев Т. Л., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Предисловие	6
Первое	7
Второе	21
Третье	32
Четвертое	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Тимофей Медведев

Свет во тьме

© Медведев Т., текст, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Предисловие

Примерно тридцать лет назад свет христианской веры ярко воссиял в нашей стране. Хотя он и не угасал никогда, но теперь мы смогли приходить в церковь открыто и свободно. Это событие и его значение для всех нельзя переоценить, восхищаясь тем, что: «Богу же все возможно!» (Евангелие от Матфея, глава 6, стих 26).

Вместе с Вами я хотел бы увидеть, что происходит за кулисами кажущихся обычными событий. Мы приоткроем завесу тайной войны, кипящей день и ночь вокруг нас и наших близких.

Возможно, это поможет Вам принять верные решения и укрепиться в трудных ситуациях.

Знайте, есть надежда!

Эта книга написана как ремейк известного произведения «Тьма века сего» автора Фрэнка Перетти, с глубоким уважением к его таланту.

Вдохновляет история появления этой книги, когда тринадцать издательств отвергли ее первую публикацию, сочтя, что это будет неинтересно читателю. Выпущенная маленьким издательством книга быстро стала национальным бестселлером.

Несомненно, наша страна, с ее тысячелетней христианской историей, намного богаче подобными событиями, случавшимися во все времена!

Увлекательного чтения Вам, читатель!

Первое

Воскресная ночь только вступила в свои права, а полная луна озаряла ярким светом Ленинградское шоссе, когда на нем появились двое мужчин в спецовках, рослые, под два метра, атлетического телосложения. Первый – брюнет с лицом фотомодели; шедший рядом с ним – светловолосый богатырь. Шоссе это вело в Праховский университет, но и здесь, в получасе ходьбы от него, до слуха атлетов отчетливо доносились отзвуки праздника, охватившего Прахов. Мужчины долго вслушивались, словно пытались что-то разобрать в этом далеком гомоне, после чего направились в сторону университета.

Праздник начала лета достигал своего апогея. По ежегодной традиции этот маленький городок погружался в атмосферу всеобщего безобидного безумства. Тем самым жители города расставались, отдавали дань уважения и с нетерпением ждали возвращения почти тысячи учащихся в университете, покидающих их гостеприимный Прахов до наступления осенней сессии. Большая часть студентов уже давно собрала свои немногочисленные пожитки, намереваясь отправиться домой уже завтра утром, но даже они не смогли нарушить давнюю традицию и остались на празднества.

Ведь кто в их возрасте откажется принять участие в театрализованном параде, или до утра зависнуть в парке, где можно как следует оторваться на танцполе под открытым небом или покататься на каруселях? Быть может, выпить пива в сомнительных заведениях или чего покрепче. В общем, как следует оттянуться на год вперед. Праздник начала лета – официальный день непослушания, в который юноши и девушки могут смело перебраться со спиртным, а быть может, даже и уединиться в комнатах общежития. Конечно, не обходилось в эту ночь и без драк и ограблений, но так случалось и в любую другую ночь.

Когда-то один выпускников Праховского университета, сумевший добиться высокого чина в областной думе, поспособствовал постройке в центре Прахова роскошного парка аттракционов. Завезли подержанные польские карусели, ларьки и даже невиданные прежде даже в областном центре биотуалеты, а каждую зиму к ним приезжал передвижной зверинец.

Теперь же покрывшееся местами ржой чертово колесо и другие карусели украшали разноцветными гирляндами, и в сумраке, издалека, они смотрелись как новенькие. Натужно кашляли многократно отремонтированные двигатели с отсутствующими глушителями, порою заглушая даже гроыхание праздничной музыки, превращаясь в итоге в диковинную и безумную мелодию.

Вечер был просто волшебным, и горожане, поглощавшие сладчайшую сахарную вату, бездумно бродили по шумным улочкам и парковым аллеям. Натужно вращалось колесо обзрения, словно в любой момент готовое сломаться и застыть навеки, напугав тем самым сидящих внутри кабинок беспечных юношей и девушек. Иногда оно действительно останавливалось, в кабинки забирались новые любители острых ощущений, желающих насладиться видом ночного города. Пестрые, сияющие сотнями ламп карусели вращались, лошадки и верблюды, покрытые потрескавшейся от времени краской, резко взмывали вверх и вниз под аккомпанемент дребезжащего старенького магнитофона.

Посетители парка кидали мячики в корзинки, а жетончики в коробки, дротики в мишени, а деньги на ветер... Подобно вирусу или эпидемии, безудержное веселье передавалось от одного горожанина другому, люди улыбались и радостно кричали.

Мужчины в спецовках, оказавшиеся к тому моменту в центре этой радостной людской мешанины, внимательно оглядывались, пораженные тем, как провинциальный городок, населенный всего несколькими тысячами жителей, часть из которых составляли студенты университета, смог превратиться в такой балаган.

В иные дни в Прахове можно встретить лишь простых обывателей, живущих от зарплаты до зарплаты и лежащих спать по окончании вечернего выпуска программы «Время». А сегодня их словно подменили, выпустив на улицы города орущих обезьян. И эти приматы заполнили все переулки, набились в нутро магазинов, ресторанов и кафе. Казалось, что все законы, как моральные, так и уголовные, сегодня не для них. Даже милиционеры, пытавшиеся первые несколько часов празднества еще как-то сдерживать шумящую толпу, сейчас исчезли.

Праздник, набравший к этому моменту максимальные обороты, стал подобен урагану, сметающему все на своем пути. И лучшим вариантом в сложившейся ситуации было лишь одно: переждать – и лишь убедившись в том, что стихийное бедствие миновало, приступить к разбору завалов и уборке улиц.

Брюнет и блондин неспешно двигались сквозь окружавшую их толпу, постоянно прислушиваясь и вглядываясь в лица прохожих. Прахов заинтересовал их, и, стараясь не привлекать к себе излишнего внимания, они изучали город и его обитателей. Горожане, несмотря на толчею, почему-то старательно обходили эту пару стороной, словно даже простое прикосновение к их спецовкам было чем-то... нет, не неприятным, а просто невыносимым. А странная парочка тем временем продолжала всматриваться в лица проходивших мимо, явно кого-то выискивая.

– Есть, – брюнет вдруг резко остановился и придержал блондина за локоть.

Блондин сразу понял, на кого именно его напарник обратил внимание. Молоденькая девушка, не сказать, что красавица, но хорошенькая, хотя вид у нее был весьма растерянный. На шее у девушки на кожаном шнурке висела расчехленная зенитовская фотокамера.

Мужчины в спецовках уверенно ринулись через толпу и замерли рядом с девушкой. Казалось, что растерянная девушка не только не обратила на них внимания, но даже не заметила появления двух высоких мужчин.

– Пойдем с нами, не бойся, – в голосе брюнета звучали столь властные нотки, словно он привык с его помощью не то что девушек уговаривать, а целые батальоны отправлять в самоубийственную атаку на превосходящие силы противника.

Сказав это, брюнет уверенно взял девушку за руку и потянул за собой в сторону продуктовых палаток. Девушка беспрекословно повиновалась. Они прошли по усыпанному мусором газону, миновали уже закрывшийся тир. Но на все это девушка не обращала внимания. Взгляд ее был прикован к неясным силуэтам, притаившимся в сумраке позади одной из палаток. Дрожащими от волнения руками девушка поднесла фотокамеру к лицу и направила видеоискатель на заинтересовавшие ее силуэты.

Когда раздался щелчок открывающейся и закрывающейся диафрагмы фотоаппарата, блондин и брюнет уже оставили девушку и вновь вклинились в бурлящую веселую толпу горожан. На сегодня у них была назначена еще одна встреча.

* * *

Маршируя, словно солдаты на плацу, и ни на секунду не останавливаясь, мужчины в спецовках стремительно неслись по ночным улочкам, устремившись к своей цели, где-то в паре кварталов от парка развлечений. Блондин и брюнет сбросили темп лишь в конце улицы Горького, резко повернули в сторону и стремительно взбежали на крутой холм. Всего пара минут – и мужчины оказались у стен миниатюрной церквушки, чудом уцелевшей за годы религиозных гонений. При советской власти здание церкви использовали как склад, но недавно сюда вернулись священники и прихожане. Рядом с входом был установлен новенький стенд с указанием часов занятий воскресной школы и богослужений. Поверх расписания

чья-то умелая рука вывела надпись большими аккуратными буквами: «Церковная община Прахова», а чуть ниже стояло имя батюшки: «Отец Георгий».

Мужчины посмотрели по сторонам. С этого холма, с высоты птичьего полета, они могли увидеть весь город. Слева мелькали огни колеса обозрения в парке аттракционов, справа в небо устремились величественные шпили на здании Праховского университета. На Ленинградском шоссе, трансформировавшемся при въезде в город в его главную улицу – проспект Победы, – находились лучшие магазины, трехэтажный центральный универмаг, АЗС, дом быта, редакция местной газеты и несколько кооперативов. Если посмотреть со стороны, это был типичный провинциальный городок: сонный, крохотный и невинный, словно он стремился попасть в качестве иллюстрации в Большую советскую энциклопедию.

Но загадочные мужчины в спецовках замечали не только это, доступное лишь взгляду обычного человека. Стоя на холме, чувствуя всем своим естеством потаенную сущность Прахова, мужчины улавливали грядущее, могучее и неотвратимое приближение великого зла.

Этим двоим по роду их деятельности часто доводилось вести скрытые от людских глаз расследования. Поэтому не было ничего удивительного в том, что на ум им приходил один и тот же вопрос: «Почему целью является Прахов?»

Но времени на бесплодные раздумья у мужчин не было. Почувствовав надвигающуюся угрозу, они поспешили укрыться в тени здания церквушки, притаившись в сумраке и словно сливаясь со стенами. Блондин и брюнет застыли подобно статуям и, казалось, даже перестали дышать, внимательно глядя на нечто, поднимающееся по склону холма к церкви.

Окружающее пространство казалось искусным коллажем, созданным из игры лунного сияния и антрацитовых граней сумрака. Одна из этих граней вела себя весьма странно: колыхаясь на ветру, словно тень от флага, она отличалась от теней зданий и деревьев, потому что двигалась – скользила по улице, все ближе и ближе подбираясь к церкви на холме, содрогаясь при малейшем движении. Возникало ощущение, что этот сгусток сумрака был соткан из абсолютной тьмы, поглощавшей все молекулы света, попадавшие на ее пути. Но эта ходячая черная дыра имела некие очертания, похожие то на силуэт животного, то на человеческую фигуру, и с каждым ее шагом притаившиеся у стены мужчины все отчетливее слышали цокот когтей, скребущих брусчатку, и негромкий шорох перепончатых, словно у летучей мыши, крыльев.

Существо миновало улицу Горького, заскользило по траве на склоне холма и через минуту замерло у ступеней ведущей в церковь лестницы. Огромные желтые навывкате глаза влажно блестели в лунном свете. Над вздернутыми плечами возвышалась угловатая башка, а из пасти, усеянной рядами остроконечных клыков, вырывались струи вонючего алого пара.

Странное создание то ли кашляло, то ли смеялось: булькающие звуки, вырывавшиеся из недр глубокой глотки, одновременно походили на то и на другое. Выпрямившись, существо крепко уперлось ногами в землю и осмотрелось. Его рот, напоминавший пасть летучей мыши, изогнулся в кривой улыбке.

Сумрачный демон всего за пару шагов взобрался по лестнице и протянул правую руку вперед. Когтистая ладонь прошла сквозь запертую дверь, словно раскаленный нож сквозь масло. Затем существо всем телом рванулось вслед за рукой, но миновать препятствие оно не успело.

Существо дернулось, будто уперлось в непреодолимую преграду, вскинулось назад, и с грохотом скатилось по ступенькам вниз. Алое дыхание твари описало замысловатую дугу в лунном свете.

Издав бешеный рев, полный возмущения и ярости, сумрачный демон вскочил на ноги и вперил взгляд своих огромных глаз на дверь, посмевавшую оказать ему сопротивление. Его перепончатые крылья зашелестели, распахиваясь за его спиной без малейших видимых уси-

лий, и существо, вновь заревев, устремилось в атаку. Ударив с разбега в дверь головой, на этот раз демон смог пробиться внутрь церкви. Движимый инерцией, демон пробежал мимо иконостасов и десятков тонких горящих свечей, пока не угодил в столб ослепительного сияния у алтаря.

Демон испуганно вскрикнул, после чего осознал, что он больше не может пошевелиться. Все его сумрачное тело словно сдавили невидимыми гигантскими клещами. Но длилось это недолго, через пару мгновений чья-то невидимая сильная рука выкинула демона обратно на улицу.

Но существо, казалось, даже не думало отступить и вновь бросилось в атаку. Взвив в небо с помощью своих крыльев, демон широко раскрыл свою пасть, из которой вырвались клубы алого пара. Когти на руках и ногах существа заметно удлинились, его рев стал слышен не только притаившимся у стены мужчинам, но и жителям окрестных домов. Подобно выпущенной из лука стреле, демон спикировал, в третий раз вонзился в церковную дверь – и внезапно почувствовал, как его изнутри разрывает неведомая сила.

Грохот, резкий запах серы, рев боли и отчаянья, конвульсивный взмах перепончатых крыльев – и конец. От демона практически не осталось и следа, лишь вонючее облако серного пара, не успевшего еще до конца развеяться, когда прятавшиеся все это время в сумраке у стены мужчины в спецовках пронеслись сквозь него и ворвались в распахнувшуюся дверь церкви.

Блондин убрал в ножны огненный меч. Белый свет, полыхавший вокруг него, постепенно тускнел.

– Адская Гончая? – предположил блондин.

– Может, просто ищейка. Разве это важно? – ответил брюнет.

– Важно, так как хочу понять серьезность их намерений. Скорее всего, это была ищейка, слишком слабая для Гончей.

– Как по мне, это самый слабый дух из тех, что я встречал.

– Аналогично. Как ты думаешь, сколько здесь еще собратьев этой твари?

– В любом случае больше двух. Я чувствую, как город буквально кишит ими.

– Я тоже это чувствую, – покачал головой блондин.

– Только что они здесь забыли? В этих местах никогда не фиксировали такое количество бесов.

– Думаю, скоро мы узнаем ответ на этот вопрос, – блондин взглянул в сторону алтаря. – Раз уж мы здесь, пора проведать Меч Господень.

Мужчины миновали узкий тамбур, за которым располагался центральный зал церкви. На стене тамбура висела небольшая доска объявлений, на которой были прикреплены булавками всего два листа бумаги – первый с объявлением о сборе средств и вещей для неблагополучных семей, второй с приглашением приводить детей и подростков для занятий в воскресной школе при церкви.

На противоположной стене висел одинокий машинописный лист с посланием от отца Георгия. Батюшка давал отчет о том, куда им были потрачены церковные сборы, и сетовал на падение числа своих прихожан.

Мужчины прошли по неширокому проходу между иконостасов в центральную часть зала, где слабый свет от свечей озарял скромный алтарь. Пол в этой части зала был искусственно приподнят и укрыт дешевым линолеумом. По центру этой площадки возвышался алтарь с лежащей на нем Библией. Внутреннее убранство церкви не отличалось роскошью, обычно свойственной православным храмам и церквям.

Тут мужчины услышали странные звуки: тихое всхлипывание, раздававшееся где-то за ближайшей к алтарю колонной. Подойдя ближе, блондин и брюнет обнаружили коленапреклоненного юношу. «До чего же он впечатлительный и слабый, подумать только», – мельк-

нула удивленная мысль в голове у блондина. Паренек неистово молился, роняя слезы и беззвучно шевеля губами. Ладони его побелели от напряжения, а на лице отражалась борьба боли, траура и нежности. Мужчины замерли, задумчиво разглядывая юношу.

– Меч Господень, – обратился брюнет к юноше.

Блондин ответил, но не столько напарнику, сколько произнося очевидную мысль, при этом не отводя взгляда от молившегося юноши:

– Не стоит сомневаться, это именно тот, кого мы искали. Во время всеобщего грехопадения и веселья он единственный молится за весь этот странный городок...

– Похоже, он бывает здесь все свободное время.

Седоволосый улыбнулся:

– А он не так слаб, как мне почудилось на первый взгляд.

– Ему просто нельзя быть слабым – он один стоит за этот город. Один-единственный.

– Не думаю, – с сомнением покачал головой блондин, – должны быть и другие. Я это чувствую. И наша с тобой задача – найти их. А молитва этого юнца – всего лишь начало.

– Ему придется несладко, ты же понимаешь.

– Той девушке в парке, работнице газеты, тоже предстоит пройти немало испытаний.

Впрочем, как и нам с тобой.

– Не в первый раз.

Взгляд блондина наполнился весельем.

– Но мы ведь не отступим?

– Конечно же, нет, – улыбнулся в ответ брюнет.

Мужчины замерли по обе стороны молящегося юноши. В тот же миг зал постепенно, словно раскрывающийся бутон лилии, стал заполняться белоснежным сиянием. Этот неземной свет озарил все вокруг, осветил малейшие детали, скрывая убогость и простоту убранства церкви, не оставляя места даже крохотной тени.

Позолота на иконах заблестала, рисунок на линолеуме стал столь же ярким и четким, как в день его создания, а алтарь с Библией величественно возвышался над всем этим, подобно часовому, охраняющему покой Вселенной.

Белый свет исходил и от мужчин в спецовках. Только вместо спецовок они уже были облачены в белоснежные робы, искрившие, словно бенгальские огни. На их лицах постепенно проступал бронзовый загар, а в широко распахнутых глазах мелькали яркие языки белого пламени. На поясе у каждого висели сверкающие ножны, из которых виднелись покрытые все тем же белым огнем рукояти мечей.

Мужчины одновременно вознесли руки над головой юноши. В тот же миг за их спинами вспыхнули прозрачные крылья, затрепетавшие под потоками несуществующего ветра.

Юноша ощутил, как его захлестывает невероятное чувство любви и нежности, словно целый мир отвечает ему взаимностью. Потрясенный, он перестал плакать и закрыл глаза. Впервые за очень долгое время он был счастлив.

* * *

«Вечерний Прахов» был типичной газетой маленького провинциального городка: стандартного формата, тихой, с явственным налетом советской стилистики и избегающей публикации скандальных материалов. Короче говоря, газета была под стать родному городу и старалась ничем не беспокоить его размеренное существование.

Редакция располагалась на проспекте Победы, в одном из многочисленных двухэтажных домов, типичных для Прахова. Каждое утро вторника и пятницы у входа в редакцию останавливались серые уазики, и уже немного пьяные грузчики складывали в нутро автомобилей свежие выпуски газеты. В целом дела у «Вечернего Прахова» шли неважно. Что

было легко понять, просто взглянув на обшарпанное здание единственного печатного СМИ в городе.

На первом этаже здания находились отдел новостей и бухгалтерия. Четыре письменных стола, пара древних пишущих машинок и одна новенькая – электрическая «Ромашка-312», пластиковые корзины под мусор, перемотанный изолентой дисковый телефонный аппарат и единственная гордость – электрический самовар, подарок от не то бизнесмена, не то бандита.

Складывалось впечатление, что бумажные обрывки с заметками, вырезки из старых номеров газет, ручки, калькуляторы и прочие канцелярские принадлежности жили здесь своей собственной жизнью. Невысокая, потрепанная временем ширма разделяла новостной отдел и приемную. Бухгалтера сидели в отдельном кабинете, где хранился единственный в редакции металлический сейф с деньгами и ценными документами.

Но в центре общего рабочего пространства было еще одно отдельное помещение, которое ожидаешь увидеть в редакции столичного толстого журнала, а уж никак не заштатной газетенки. Стекланный куб в центре зала являл собой кабинет главного редактора и был настоящим нововведением во всех смыслах. Так как нынешний главред «Вечерки» всего пару месяцев назад занимал пост ведущего репортера московской редакции «Аргументов и фактов», наличие собственного кабинета являлось одним из условий его перехода в редакцию провинциальной газеты.

Бывшего москвича звали Михаил Каганов. Сильный, уверенный в себе мужчина, держащий в ежовых рукавицах всех подчиненных, от секретарши и уборщицы до штатных журналистов и руководителей технического производства газеты. Хотя стоит заметить, что подчиненных у него было не так уж много. Но они уже успели по негласному сговору наградить нового начальника прозвищем «Хан», намекая на происхождение его фамилии и властный, жестокий характер.

Каганов приобрел «Вечерний Прахов» на деньги, скопленные им благодаря лихому ветру перемен, охватившему всю территорию бывшего Советского Союза. Владеть собственным изданием – это была мечта всей его жизни. Конечно, его энергия и напор были чужды провинциальному размеренному и сонному образу жизни, что порождало массу конфликтов между Кагановым и его новыми подчиненными. Михаил жаждал поднять газету на новый уровень, увеличив число подписчиков не только в городе, но и охватить всю область. Но, перебравшись из «Аргументов и фактов» в «Вечерний Прахов», он почувствовал себя мухой, угодившей в сосновую смолу. Здесь все делали не торопясь. Бешеная энергия Михаила, привычного к ритму бурлящей столицы, наталкивалась на необходимость посадки и поливки овощей в огородах сотрудников или всеобщей радости относительно учреждения депутатами нового праздника и внеочередного выходного дня.

Одним из немногих дней, когда все сотрудники были поглощены работой и не отлынивали от своих обязанностей, был понедельник. Нужно было срочно сдавать в печать новый номер, который был еще далек от состояния полной готовности. Царившая сегодня в редакции атмосфера больше напоминала работу в родовом отделении, где все сотрудники в едином порыве безостановочно метались по помещению. От редактора к корректору, затем подобрать фото для иллюстрации, вновь бежать к редактору для согласования. Затем сложить получившийся результат на монтажные листы, заготовить клише. И все это нужно успеть до пяти часов, после чего номер отправится в набор.

В тусклом ламповом свете, не обращая ровным счетом никакого внимания на царивший вокруг хаос, над макетным столом замерли Михаил и Фома, ответственный редактор. Редакторы собирали выпуск «Вечерки» словно пазл: вот это мы разместим на главной, а эту статью перенесем на пятую страницу. Этот материал слишком большой, лучше разместить в этом номере первую часть, а продолжение в пятничном выпуске. Работа не клеилась, и

постепенно Михаила охватывало раздражение. Это неприятное для него чувство он испытывал каждый понедельник и четверг в течение последних двух месяцев своей жизни в Прахове.

– Лена! – Каганов, не отрывая взгляда от макета, позвал секретаршу.

– Бегу-бегу!

Михаил злобно посмотрел на подошедшую девушку и в очередной раз принялся объяснять ей:

– Лена, гранки необходимо держать в коробке на столе, а не разбрасывать их где попало. Что они делают на полу, я тебя спрашиваю?

– Я же складывала их в коробку! – возмутилась в ответ секретарша и поспешно ретировалась в сторону бухгалтерии. Лена была своенравной невысокой сорокалетней женщиной, имеющей в своем арсенале все нужные качества для того, чтобы противостоять снобизму нового начальника. К тому же она была единственным человеком, кто умел безошибочно ориентироваться в царившем вокруг беспорядке и находить нужные вещи и документы.

– Тогда каким образом они очутились на полу?

– Ветром сдуло, товарищ Каганов. Сколько раз я вам говорила утеплить окна в редакции, сквозняки гуляют.

– Да будет вам, Михаил, – прервал их Фома. – У нас готовы вторая, пятая, седьмая и восьмая страницы. Но что будем ставить на передовицу? Я уже не говорю про оставшиеся пустые полосы?

– На главную ставим репортаж Веры с празднования последнего Дня лета, тот, для которого она должна была сделать снимки.

– А он готов? Лена?

– Да, Фома Иванович.

– Ты не видела сегодня Веру в редакции? Нам через час макет сдавать, а ее где-то черти носят!

– Нет, я ее сегодня не встречала. Может, она в производственном отделе или в архиве?

– Господи, когда же этот бардак прекратится! – проворчал Каганов.

В их разговор неожиданно вклинился Иван Лукич. Несмотря на то что пару лет назад ему положено было выйти на пенсию, невысокий старичок продолжает работать внештатным наборщиком.

– Быть может, поместим материал об открытии книжного клуба при городской библиотеке? Как раз его заканчиваю...

– О-о-о... – простонал Михаил. – Конечно, прямо на первой полосе! Давайте еще поместим заметку о том, что к нам в редакцию подкинули коробку с новорожденными котятками и мы ищем для них заботливых хозяев.

Каганов навис над испуганным Иваном Лукичом.

– Вы у нас кем работаете? Наборщиком? Вот и набирайте текст, без самостоятельности и ненужных советов.

– Ну, так что теперь будем делать? – спросила Лена, с сочувствием глядя на вернувшегося к своей работе обиженного Ивана Лукича.

– Кто-нибудь из нашей редакции еще ходил на праздник?

– Я ходил на рыбалку, – робко подал голос Иван Лукич. – Этот праздник для меня слишком бурный. В наше время такого не позволяли...

– У меня жена болеет, вы же знаете, – пожал плечами Фома, – так что я был дома.

– А я была в парке и участвовала в торжественном параде, – откликнулась Лена.

– Отлично! Тогда садись за свободную машинку и пиши. Как закончишь, принесешь мне, я доведу ее до приличного состояния, – приказал Михаил. – Черт побери, одно из цен-

тральных событий в вашем сонном царстве, а статью о нем пишет не ведущий репортер, а секретарша.

На столе громко зазвонил телефон.

– Может, это Вера? – произнесла с надеждой Лена, поднимая трубку. – «Вечерний Прахов». Доброе утро! – Лицо ее внезапно озарила улыбка. – Верочка, мы тебя потеряли! Куда ты пропала?

– Что говорит? Когда она соизволит прийти в редакцию и сдать материалы? – нетерпеливо потребовал ответа Михаил.

Лена состроила шефу раздраженную гримасу, которая быстро уступила место удивлению:

– Да... конечно-конечно... ты главное не волнуйся... сейчас мы за тобой кого-нибудь отправим.

– Ну? – раздраженно фыркнул Михаил.

– Верочку задержали и засунули в обезьянник. Она сейчас в центральном отделении милиции, – ответила Лена и посмотрела на него с явным укором.

* * *

Перепрыгивая через ступеньку, Михаил поднялся на крыльцо центрального отделения милиции и замер перед массивной металлической дверью. Его чуткое обоняние тут же уловило терпкий неприятный запах перегара, а из-за закрытых дверей он услышал шум и гомон десятков голосов.

Шум, доносящийся из переполненных людьми камер предварительного задержания, являлся закономерным последствием вчерашнего праздника. По пути в милицию Каганов поразился подозрительной тишине, несвойственной даже такому сонному провинциальному городу, как Прахов. Но удивляться не стоило: основных гуляк и заводил вчерашних беспорядков переловили и доставили в это и другие отделения. Кроме распоясавшихся студентов, в обезьянниках томились бездомные, хулиганы и пьяницы, которых милиционерам довелось арестовать на улицах накануне.

Михаил с усилием распахнул тяжелую дверь и вошел внутрь, где запах сделался еще более отвратительным. Представшая перед ним картина действительно напоминала вольер в зверинце московского зоопарка, куда Каганова в детстве водили родители.

Некоторые задержанные расположились как у себя дома, азартно резались в дурака засаленными картами или горланили, пытаясь привлечь внимание девушек легкого поведения, запертых в отдельной камере. Михаил ожидал увидеть Веру среди представительниц самой древней профессии, но, к его удивлению, девушки там не было.

Сержант Дмитрий Дальнов оторвался от заполнения протокола и устало посмотрел на вошедшего. Судя по количеству лежащих перед ним бланков, работы у него было еще много.

– Добрый день! Каганов, из «Вечернего Прахова», – Михаил протянул сержанту свое журналистское удостоверение. – Я звонил вам по поводу неправомерного задержания Веры Караваевой, сотрудницы нашей редакции...

– Здравствуйте, гражданин Каганов, – наконец снизошел до ответа сержант. – Я же по телефону вам сказал, что мы во всем разберемся. Невинových отпустим, виноватых накажем.

– И сколько вы прикажете ждать? – огрызнулся Михаил. – Своими действиями вы не только срываете выход городской газеты, но и нарушаете конституционные права...

Но сержант Дальнов не стал его слушать и демонстративно вернулся к заполнению бланков. Каганов умолк, понимая, что простым напором и наглостью он этого ленивого милиционера не проймет.

– Послушайте, товарищ сержант, – вновь обратился он к Дальнову.

– Что вам, гражданин?

– Я пришел, чтобы забрать своего сотрудника.

– Я понял. Но приказа отпустить кого-либо из задержанных мне не поступало.

– Послушайте, вы! – терпение у Каганова лопнуло. – Двадцать минут назад я по телефону разговаривал с полковником Буркиным, и он лично пообещал мне, что Караваеву немедленно отпустят. Разве он тебе не звонил?

– Да тихо вы! – сержант понизил голос и практически перешел на шепот. – Никто мне не звонил.

– Сержант!

– А?

– У тебя телефонная трубка снята и рядом с аппаратом лежит, – Михаил взглядом указал на упомянутую трубку, а про себя подумал: «Да что же это за город такой? Всем на все плевать, и никого за это не наказывают!»

– Ой, точно, – удивился Дальнов.

Михаил даже успел подумать о том, что он смог бы написать шикарный материал о профессиональной непригодности сотрудников праховской милиции, но быстро отбросил эту мысль. За такие статьи и в Москве можно погибнуть в результате несчастного случая. Чего уж говорить о Прахове, где мэр или начальник УВД являли собой и власть, и царя, и бога в одном лице?

– Сержант, не тяни, позвони своему начальству.

Опершись на стойку дежурного, Каганов молча наблюдал, как Дальнов связался с начальством.

– Как, вы сказали, ваша фамилия? Каганов? – спросил Дмитрий, зажав трубку ладонью. – С кем именно вы решали вопрос?

– У вас что, есть еще один полковник милиции в Прахове?

– Соедините меня с полковником Буркиным... Антон Петрович? Здравия желаю! Это сержант Дальнов. Тут к нам в отделение пришел некий гражданин Каганов, из газеты...

Нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, Михаил с трудом дождался окончания разговора. Сержант положил трубку. Каганов обратил внимание, что тот снова опустил ее рядом с телефоном, и встал.

– Следуйте за мной.

Сержант обошел стойку и направился в глубь отделения. Михаил старался не отставать от него ни на шаг. Со всех сторон на них тут же посыпались крики из камер: задержанные требовали немедленно выпустить их, так как они ни в чем не виноваты. Наконец они оказались рядом с одиночной камерой.

– Вера? Караваева, вы здесь? Ответьте!

– Здесь она, здесь, – неприятно улыбнулся сержант, – в целостности и сохранности.

– Михаил, это вы? – из-за двери послышался испуганный и полный отчаяния женский голос.

– С вещами на выход! – сержант наконец-то открыл замок и распахнул дверь камеры.

Вера Караваева, единственная сотрудница «Вечернего Прахова», вызывавшая у Каганова положительные профессиональные надежды как перспективный журналист и фоторепортер, сейчас была похожа на взъерошенного воробья. Обычно привлекательная молодая особа, прятавшая красоту за очками с массивной роговой оправой, дрожала от холода и страха.

– Ты в порядке? – спросил он.

– Да... думаю, да, можно сказать, что я в порядке, – Каганову показалось, что девушка на грани истерики, но ошибся. Переступив порог камеры, Вера, даже не взглянув на сер-

жанта, направилась в сторону выхода. Михаил пошел рядом с ней, оставив Дальнова возиться с замками.

– Ты действительно в порядке?

– Да, Михаил, спасибо вам большое за заботу и за то, что помогли выбраться из этого гадюшника. Хотя сейчас я невероятно зла. Я могла бы собрать такой материал, но...

– Да расскажи наконец, что произошло? – Михаил чуть повысил голос.

– Сперва все шло по нашему с вами плану. В парке я быстро нашла парочку проституток и смогла с помощью заранее припасенного алкоголя вытянуть их на разговор. А потом со всех сторон зазвучали сирены и... – Вера замолчала.

– Тебя арестовали... – Михаил попытался аккуратно продолжить разговор.

– Да. Конечно, я пыталась показать миллионерам свое удостоверение, но они меня даже слушать не стали. Свинтили всех, кто под руку попался, и затолкали в свой уазик. Вопросы начали задавать только тогда, когда нас доставили в отделение.

– Вот скоты, – тихо произнес Каганов, – Я с ними еще разберусь. А пока расскажи, хотя бы в общих чертах, что тебе удалось узнать?

Цыганка, сидевшая в камере, мимо которой они в этот момент проходили, попыталась ухватить Каганова за руку.

– Постой, дорогой, я тебе погадаю.

– Отстань, – Каганов брезгливо одернул руку и поспешил дальше, вслед за взъерошенной подчиненной.

Наконец Вера смогла собраться с мыслями и ответила:

– Поначалу я намеревалась собрать материал прямо в парке аттракционов: сфотографировать ночных бабочек за работой, а если получится, взять интервью. Вот у них, кстати. Снежанна и Роза, – девушка кивнула в сторону двух хоть и молодых, но имевших весьма потасканный вид женщин, – но в самый разгар нашей беседы нас всех и накрыли.

– Родная милиция нас бережет. Сначала посадит, потом стережет, – вполголоса продекламировал Каганов.

– Так что мне пришлось несколько часов провести в общей камере. Потом дежурный милиционер, осматривавший наши вещи, нашел мои корочки. Тогда они решили закрыть меня в отдельной камере. Как они выразились, на всякий пожарный.

– Ладно, обсудим это позже, – произнес Михаил. – Сержант, все вопросы с вашим начальством улажены.

Милиционер вернулся на свое рабочее место, открыл ящик стола и достал вещи Караваевой: сумку, большой блокнот для записей, журналистское удостоверение и фотоаппарат. Вместе с вещами он протянул вере от руки заполненный бланк.

– Значит, так, – сказал милиционер. – Получите и распишитесь.

– Что это? – насторожилась девушка и внимательно вчиталась в корявый подчерк сержанта.

– Здесь сказано, что вы не имеете претензий к сотрудникам нашего отдела.

Девушка состроила презрительную гримасу на своем красивом лице, оставила витиеватую роспись на протянутом бланке и сгребла свои вещи в охапку.

– Пойдемте, Михаил. Я хочу успеть сдать статью в сегодняшний номер.

* * *

В салоне новенькой «Волги», припаркованной неподалеку от крыльца отделения милиции, сидела Виолетта Каганова, эффектная рыжеволосая красавица, откровенно скучающая в ожидании возвращения супруга. Но вокруг было на что посмотреть, если, конечно, не принимать во внимание тот факт, что картинка эта была не из приятных: из подъехавшего

к крыльцу милицейского автомобиля стражи порядка выгружали новую порцию помятых хулиганов, сыплющих на ходу оскорбления как в адрес друг друга, так и в адрес милиционеров. Навстречу этой толпе из здания выходили тихие и робкие люди, приходящие в себя после ночи за решеткой. Это напомнило Виолетте типичную очередь на заводской проходной. Ночная смена устало разбредалась по домам, а дневная спешила отдать все силы на благо отчизны.

В открытое окно на первом этаже, просунув руку между прутьев решетки, курила женщина с двойным подбородком. В пепельнице рядом с ней виднелась целая гора окурков. Сделав пару жадных затяжек, женщина торопливо затушила почти целую сигарету и скрылась в недрах своего кабинета.

«Как-то все тут нервно и суматошно», – подумала Каганова. – Но в то же время на решение элементарных задач и вопросов они тратят по полдня».

Виолетта печально покачала головой. А еще, подумалось ей, отчаянная девушка Вера умудрилась попасть в загон со всеми этими отбросами и хулиганами. И ради чего? Неужели все это ради какой-то статьи! Или таким образом юная журналистка пытается примазаться к шефу?

Но мысли о ревности не успели завладеть ее сознанием, так как в этот момент упомянутые Вера и Михаил вышли на крыльцо. Каганова открыла дверцу и вышла к ним навстречу.

– Как все прошло?

– Слава богу, отпустили, – ответил Михаил, – хотя это стоило мне немалых нервов.

Виолетта притянула его к себе.

– Но ведь все затраты окупятся, да, дорогой?

– Конечно. У меня по-другому и не бывает. – Михаил приобнял супругу за талию и добавил: – Я не только опубликую шикарную статью, обличающую этот безумный праздник первого Дня лета, но и добьюсь его запрета на законодательном уровне. Они же натурально спаивают молодежь и поощряют хулиганства, блуд и мелкие правонарушения. На этот праздник в Прахов со всей области съезжаются все карманники, воришки, цыгане и проститутки...

– Тише-тише, милый. Что ты так разбушевался, – Виолетта успокаивающе погладила мужа по плечу, после чего посмотрела в сторону стоявшей неподалеку Караваевой. – Как себя чувствует Вера?

– Думаю, со временем из нее выйдет отличный репортер. У нее есть все задатки, осталось только поднатаскать ее как следует.

– Она собрала нужный тебе материал?

– Даже больше, скажу я тебе.

Михаил поманил Веру.

– Ты точно успеешь сдать статью о ночных бабочках сегодня? Может, подождешь до пятницы? А то выглядишь ты неважно, краше в гроб кладут.

– Возможно, Михаил, вы правы. Но к пятнице я задумала новую статью. Скажите, хоть вы у нас и недавно, что вы думаете о полковнике Буркине?

Михаил удивился столь неожиданному повороту разговора.

– Он достаточно хитер. Берет взятки, закрывает глаза на дела братков и воров в законе. И с ним опасно связываться. А что?

Вера посмотрела на Михаила с вызовом.

– Я хочу написать большой материал, чтобы все в Прахове и области узнали, кто такой Буркин. И не только про него. За нашим мэром тоже кое-что числится. А сейчас я хочу забраться в свою ванну и смыть с себя всю эту грязь.

– Да, конечно, – быстро согласился Михаил. – Только не забудь сразу после этого написать статью о проститутках и проявить фотографии. А завтра утром приходи на работу.

Вера благодарно улыбнулась.

– Вы подбросите меня до дома? А то сил нет в автобусе трястись.

– Конечно, дорогая, – улыбнулась в ответ Виолетта и приветливо распахнула заднюю дверцу «Волги».

Взъерошенная журналистка почти уже забралась в салон автомобиля, как вдруг что-то вспомнила и подалась обратно.

– Пока я не забыла, Михаил, я хотела кое-то сказать вам о Буркине!

Не дав ему опомниться, Караваяева потянула Каганова в сторону и сказала, понизив голос:

– Вчера в парке я видела полковника в компании Молодцова.

– Экстрасенса Молодцова?

– Да, его.

– Но ведь Буркин православный! Хотя в советские времена, как я слышал, он числился ярым атеистом, так что менять убеждения ему не привыкать.

– Я увидела их случайно, когда бродила по парку в поисках ночных бабочек. И в тени одной из продуктовых палаток увидела полковника и Молодцова, в компании еще троих.

– Что это была за тройца? – пока что Каганов не видел в этой истории ничего особо занимательного.

– Я их не знаю. Женщина, блондинка средних лет. Какой-то толстяк. И еще девушка, брюнетка, но ее лица я не разглядела, так как она прятала его за огромными черными очками.

– В очках, ночью? Она что, слепая?

– Не думаю. Когда я решила их сфотографировать, она первая обратила на меня внимания и указала рукой в мою сторону. Что тут началось! Буркин явно испугался, толстяк и блондинка стали прятать лица, а Молодцов, так вообще потребовал немедленно убираться куда подальше.

– Странно, конечно, но пока ничего криминального в этом я не вижу.

– Михаил, выслушайте меня до конца, хорошо? Через пару минут на меня буквально сами набросились Роза и Снежанна. Не я к ним подошла, а они ко мне. Проходит еще немного времени, и тут нас вяжут милиционеры и отбирают мой фотоаппарат. И пока нас винтили, неподалеку я заметила Буркина. Он смотрел прямо на меня и не вмешивался. Хотя мы знакомы и он в курсе, что я журналист, а не проститутка!

– Ты проверила фотоаппарат? – Каганов впервые проявил интерес к ее словам.

Вера кивнула:

– Да, пленка на месте.

– Хорошо, обсудим эту историю завтра. Считаю, ты получаешь новое задание.

– Правильнее будет сказать, что я сама его себе нашла.

Кагановы отвезли Веру к ней домой, после чего они несколько минут стояли во дворе в полном молчании. Наконец Виолетта посмотрела на супруга.

– Миша, я тогда побегу на работу, пешком, тут недалеко. Ты съездишь к дочке?

Каганов рассеянно кивнул в ответ, оглянулся и произнес фразу, крутившуюся у него в голове целый день.

– Виолетта, тебе не кажется, что с этим городом что-то не так, что он словно чем-то болен? И я боюсь, как бы эта болезнь не поразила нашу семью.

* * *

Когда на небе светит яркое солнце, вчерашние неприятности уже не кажутся такими серьезными. Эта простая мысль посетила отца Георгия, когда он вышел на крыльцо своего маленького, всего на две комнаты и кухню, домика.

Дом, в котором священник жил со своей женой Марией, располагался неподалеку от церквушки на холме. И хотя здоровье и относительно молодой возраст могли позволить священнику добираться до своего прихода хоть пешком через весь город, он специально выбрал для себя жилище поближе. Ему всегда хотелось быть рядом с любимившейся церквушкой.

В магазинчике рядом с автобусной остановкой он купил треугольный пакет молока и свежего хлеба и понес их домой. Перед его мысленным взором появилась тарелка с кашей, что немного отвлекло его от вчерашних воспоминаний.

Православный священник во втором поколении, он многое пережил в своей жизни. Гонения на церковь во времена СССР, последующие послабления со стороны государства, перестройка и небывалый расцвет после развала Союза. Помощь отцу в занятиях в воскресной школе, семинария, получение собственного небольшого прихода в Прахове...

Казалось бы, Господь к нему благосклонен и осыпает своими милостями за верное и бескорыстное служение. Но тут, вслед за снятием запретов на служения в православных церквях в Прахове, как и во всей стране, разрешили вообще все и всем. Сотни странных курсов биоэнергетики, познания себя, экстрасенсорики и восточных сект принялись жадно и азартно бороться за сердца прихожан.

Слава богу, в Прахове из всего этого сонма смогли обосноваться лишь одни, последователи Чумака и Кашпировского, арендовавшие ДК в самом центре города. Но из-за них каждый месяц в церквушку отца Георгия приходило все меньше прихожан.

«Ну, хватит, – подумал отец Георгий, – радуйся тому, что у тебя есть и чем нас наградил Господь»

Но радовался священник недолго. Подходя к дому, он с ужасом обнаружил появившуюся за время его недолгого отсутствия надпись: «Считай, что ты уже труп...» Последнее слово было матерным.

– Дорогой, – послышался из домика голос Марии, – ты не закрыл дверь.

Отец Георгий крепко сжал зубы и поспешил в дом. Слава Богу, с супругой все в порядке. А надпись эту паскудную он как-нибудь замажет, в сарае еще осталась краска с прошлого года.

Войдя в дом, он плотно закрыл за собой дверь. Отдав молоко и хлеб Марии, постарался выглядеть непринужденным и спокойным. Но супруга все равно почувствовала резкую перемену в настроении священника.

– Что случилось? – спросила она глядя ему в глаза.

– Да ничего такого, матушка, – постарался улыбнуться он в ответ. – Думаю, краску на стене под окнами подновить, а то осыпалась за зиму.

– Как прошла вчерашняя служба? Я даже не слышала, когда ты вернулся.

– Поздно, матушка. Задержался, ждал, что Антон Петрович Буркин зайдет, но... Скоро совсем наш приход обезлюдеет. Будем вдвоем с тобой службы стоять и молиться.

– Возможно, Буркина дела задержали. Вчера же праздник этот бесовский проходил, прости Господи, весь город на ушах стоял! – заметила Мария.

– А еще вчера было воскресенье. – Отец Георгий тяжело вздохнул. – Раньше люди стыдились, если они пропускали воскресный поход в церковь.

– Что же это, совсем никто не приходил? – всплеснула руками Мария. – Ладно Буркин, он преступников и хулиганов ловил. А остальные? Семен Теркин, Константин Мазин...

– Я же сказал, матушка, совсем никого не было!

Мария постаралась успокоить супруга и заключила его голову в ласковые объятия. Несколько минут они так и стояли, наслаждаясь тишиной и миром. И тут священник понял, что должен сказать супруге правду.

– Пока я ходил в магазин, какие-то охальники нам стену исписали.

– Вот паршивцы, прости Господи! И что там намалевали?

– Да не буду же я вслух такие вещи произносить, матушка. Закрашу и забудем об этом. Наверное, это кто-то после вчерашнего еще не отошел, вот и творят всякое.

Хотя где-то в глубине души отец Георгий думал иначе. Эта надпись – не просто акт вандализма.

Это первое предупреждение.

Второе

По Ленинградскому шоссе мчался огромный черный мерседес. В салоне автомобиля на заднем сиденье вольготно развалился толстяк в деловом костюме. Рядом с ним, закинув ногу на ногу, сидела изящная женщина с длинными и черными как смоль волосами, держащая в руках блокнот и авторучку. Глаза девушки скрывались за солнцезащитными очками.

Толстяк диктовал девушке цифры, но вдруг осекся и спросил:

– Кстати, сегодня утром мне звонила профессор и сказала, что не так давно она отправляла на мой адрес пакет.

– Какой пакет?

– Личный. Небольшой, прямоугольной формы. Поищи его в корреспонденции, когда приедем в контору.

Девушка кивнула и сделала пометку в блокноте. Но если бы толстяк заглянул в блокнот, то никакой соответствующей пометки он бы там не обнаружил.

* * *

Это было второе за сегодняшний день посещение Михаилом здания УВД города Прахова. В первый раз – вызволять Веру из камеры. Теперь же он должен был лично встретиться с полковником Буркиным.

Отправив номер в печать, Каганов собирался связаться с Антоном Петровичем, но секретарша полковника его опередила, позвонив в редакцию «Вечернего Прахова» и сообщив, что встреча назначена на семь часов вечера.

Каганов припарковался рядом со зданием городского суда и несколько минут провел в машине, разглядывая улицу, спешно приводящуюся коммунальными службами в относительный порядок. Да, вчерашняя городская вечеринка удалась на славу.

«И они терпят такое из года в год? Все ради кучки пьяных студентов? Решительно не понимаю этих провинциалов».

Михаил вышел из машины и направился к административному комплексу. Хотя комплекс – это громко сказано. В одном здании располагался суд, приютивший сбоку центральное отделение УВД с припаркованными у входа тремя милицейскими уазиками. Во втором здании размещался горсовет, кабинеты мэра и другого начальства.

Каганов миновал безликую дверь с надписью «Милиция» и оказался в маленькой пустой приемной. За небольшим столом с телефоном, печатной машинкой и селектором сидела немолодая женщина, судя по всему, секретарша полковника.

Каганов поздоровался с ней и показал свое удостоверение.

Секретарша механически кивнула и нажала на кнопку селекторной связи:

– Да?

– Антон Петрович, к вам Михаил Каганов.

– Пусть зайдет.

Секретарша наконец-то снизошла до блеклой пародии на улыбку и кивнула, приглашая Каганова пройти в кабинет начальника.

Махнув ей рукой, Каганов распахнул тяжелую, обитую красным дерматином дверь с табличкой «полк. А. П. Буркин» и вошел. Полковник неспешно поднялся ему навстречу и протянул руку:

– О, снова вы, Михаил!

– Здравствуйте еще раз, Антон Петрович.

Обменявшись крепкими рукопожатиями, Буркин и Каганов сели за стол хозяина кабинета. Буркин, моложавый холостяк, на вид которому можно было дать как тридцать, так и сорок лет, был известен своим крутым нравом и нескромным, даже – по меркам полковника милиции – роскошным образом жизни. Поворачиваться к нему спиной Каганов бы не решился никогда, так как слишком хорошо знал подобных Буркину еще по жизни в Москве.

– Расположимся поудобней, – улыбнулся Буркин. – Надеюсь, недоразумение с вашей подчиненной уже улажено?

Михаил тут же вспомнил свой недавний визит в отделение милиции и прогулку вдоль камер предварительного заключения.

– Спасибо. Но моей сотруднице это не показалось простым недоразумением.

– Конечно, понимаю. Ночь в «обезьяннике» – приключение не из приятных. Кстати, Михаил, а вам доводилось бывать по другую сторону решетки?

Каганов услышал в голове тревожный звоночек. Неужели Буркин уже пробил его дело по своим каналам и узнал о том, что столичному репортеру доводилось оказываться в камерах, когда его задерживали на митингах в девяносто третьем году?

– Это угроза?

– Что вы, Михаил, простое любопытство. Профессиональная привычка, не более того. – Но улыбка на лице полковника ясно давала понять: это был намек, что бывшему москвичу не стоит нарываться. – Собственно, я вас для этого и пригласил, чтобы все уладить.

Открыв верхний ящик своего стола, полковник достал лист бумаги и протянул Каганову.

– Что это? – насторожился Михаил.

– Официальное письмо с извинением вашей редакции и гражданке Караваевой в частности, подписанное мною лично. Жаль, что у меня не было возможности решить ваш вопрос сразу.

– Кстати, раз уж вы сами об этом упомянули... Вера говорит, что видела вас в момент своего задержания.

– Меня? Должно быть, ей показалось. Я до глубокой ночи был здесь. Сами понимаете, это была жаркая ночь для нашего ведомства. Даже пришлось привлечь сотрудников из других городов области.

– Но Караваева уверена в том, что видела именно вас, – продолжал настаивать Каганов, понимая, что это может обернуться для него неприятностями.

Буркин продолжал улыбаться:

– Могу лишь повторить, что это был не я.

Но в этот момент он нервно перелистнул лежащий перед ним ежедневник. Михаил, прекрасно умеющий читать лежащий перед ним текст хоть задом наперед, хоть вверх ногами, увидел, что в графе рабочего расписания на завтрашний день у полковника была всего одна отметка на два часа дня: «Молодцов».

Буркин проследил за взглядом Каганова и быстро захлопнул ежедневник.

– Михаил, я для того и назначил вам личную встречу, чтобы рассказать вам кое-что о гражданке Караваевой.

Каганов не ожидал такого поворота событий и с недоумением посмотрел на собеседника.

– О чем вы?

– Дело в том... – Буркин запнулся. – Вы человек приезжий, новый, и еще много не знаете. У гражданки Караваевой была сестра, училась в нашем университете. По причине неразделенной любви, как, к сожалению, это часто бывает среди современной молодежи, девушка покончила жизнь самоубийством. Ваша Вера, шокированная этим событием, и сама чуть не наложила на себя руки. В результате чего она провела несколько дней в специали-

зированной учреждении. Так что на вашем месте я бы дважды проверял ее слова, прежде чем принимать их на веру.

Следующие несколько минут мужчины молчали, пристально глядя друг другу в глаза. Молчание нарушил Михаил:

– Я не знал этого.

В голосе Буркина зазвучали сочувственные нотки:

– Кроме того, ваша Караваева была уверена, что сестра не сама свела счеты с жизнью, что ей в этом помогли. Конечно, доказательств этого она не нашла. – После чего голос полковника вновь наполнился добродушной радостью. – В заключение, Михаил, я хотел бы поговорить о вас и вашей работе.

Следующие двадцать минут Каганов отрешенно слушал размышления Буркина о важности той работы, что выполняет «Вечерний Прахов». Что им следует трудиться в связке с правительством города, и прочую кабинетную чепуху, которую толкают с трибун чиновники всех мастей.

– Пресса оказывает воздействие на общество, формирует его мнение. Поэтому нам хотелось бы видеть на посту главного редактора верного человека. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Понимаю, – стальным голосом ответил Каганов, – но хочу вам заметить, что моя газета – частная и не находится в непосредственном подчинении ни у вас, ни у мэрии. Надеюсь, вы меня тоже поняли?

После этих слов полковник утратил свою маску благодушия, в глазах его мелькнули холодные искры.

– Зря ты так, щенок. Еще пожалеешь. – Буркин откинулся в кресле и демонстративно отвернулся к окну. – Вы свободны, гражданин Каганов, – и добавил, – пока свободны.

Михаил вышел из кабинета, постаравшись хлопнуть дверью как можно сильнее.

Когда Каганов ушел, Буркин встал и закрыл дверь на ключ, после чего нажал на кнопку селектора и велел секретарше никого к нему не пускать. Откинувшись на спинку кресла, полковник долго собирался с силами для следующего, не менее трудного разговора. Он поднял трубку телефона и набрал номер.

Отец Георгий как раз заканчивал закрашивать изуродованную стену, когда из открытого окна услышал голос жены.

– К телефону!

Священник бросил кисть в банку с краской, выпрямился и, вытирая на ходу руки о рабочий фартук, зашел в дом. Мария протянула ему трубку старенького телефона.

– Это Антон Буркин!

Отец Георгий благодарно кивнул супруге и взял трубку.

– Храни тебя Господь, сын мой, – поприветствовал он полковника.

– И вас, батюшка. Хотел извиниться, что не смог вчера прийти. Сами понимаете, служба.

– Все понимаю, Антон, не переживай, – ответил священник. – Надеюсь, все, кто вчера и поддался бесовскому воздействию, раскаются в содеянном. А Бог, он все милостив, он простит.

– Ох, вашими молитвами, батюшка... – милиционер на секунду умолк, а затем спросил: – Вы подумали о нашем недавнем разговоре?

– Да, конечно. Я долго размышлял и молился Господу нашему с просьбой помочь мне принять верное решение.

– Хм. И что вы решили?

– Я решил остаться при своем изначальном мнении.

– Черт... ой, простите, батюшка!

- Бог простит, – с философским спокойствием ответил отец Георгий.
- Тогда вы должны знать, что в эту пятницу состоится собрание общины, на котором... – Буркин замолчал и священник закончил за него:
- На котором поднимут вопрос о моей отставке и выборе нового настоятеля церкви.
- Отец Георгий, вы же понимаете, я на вашей стороне и хочу вам помочь. Но если вы будете упрямыться...
- Сын мой, я не изменю своего решения, – ответил священник все тем же спокойным тоном.
- Терпение Буркина иссякло.
- У вас еще есть время, святой отец. До вечера пятницы. Молю вас, примите истинно правильное решение.
- Истина и уважение к ней требуется от нас тогда, когда мы меняем жизнь других людей, живущих во лжи. Подумай и ты об этом, сын мой.
- Я подумаю, отец Георгий, можете не сомневаться.
- Сказав это, Буркин с грохотом бросил трубку.

* * *

Маленький черный бес, уменьшенная копия того, что недавно пытался взять штурмом небольшую церквушку на холме, планировал в воздушных потоках, невидимый взгляду обычных людей.

Пасть его изрыгала клубы едкого пара, а крохотные перепончатые крылья без устали трепетали, словно пропеллер или крылышки колибри. Бес несея вслед за своей целью, водителем коричневой «Волги», Виолеттой, по городским улицам на юг Прахова.

Каганов вышел из дверей редакции в шесть вечера. Несмотря на инцидент с Караваевой, вторичный номер все же был сдан в срок, и теперь сотрудники отдыхали до завтрашнего утра, после чего займутся подготовкой к следующему.

А сейчас ему предстояла встреча с дочерью. Света, рыжая бестия, внешне была точной копией матери, а вот характером под стать отцу. Единственный ребенок в семье, но проживший практически всю жизнь не под присмотром любящих родителей, а бабушек-дедушек и репетиторов. Михаил и Виолетта редко бывали дома, вынужденные полностью отдаваться работе и карьере. И когда из суматошной Москвы они переехали в Прахов, ситуация особо не улучшилась. Михаил до поздней ночи торчал в редакции «Вечерки», а Виолетта руководила своим маленьким бизнесом. И бедная Света вновь осталась предоставлена самой себе.

Спустя полчаса езды по городским улочкам Каганов въехал на территорию студгородка. Как и большинство постсоветских университетских городков, это был комплекс, где солидные здания времен сталинского ампира соседствовали с недавно отстроенными многоэтажками общежитий. Хотя главное здание Праховского университета возвели еще до революции и, судя по старым фотографиям, фасады с белыми колоннами оставались здесь с самого основания университета. После перестройки университет не скатился в нищету благодаря поддержке администрации и деньгам «новых русских», зарабатывавших слишком мало, чтобы отправить отпрысков за границу, но достаточно, чтобы оплатить обучение в родном городке.

Михаил припарковался на практически пустой стоянке на въезде в студгородок и направился в общежитие. После переезда в Прахов и поступления в университет Света отказалась оставаться в роскошной родительской квартире и решила жить отдельно.

Большинство студентов и преподавателей уже разъехались на летние каникулы, и студгородок практически опустел. Только кучи мусора, которые еще не успели убрать местные дворники, напоминали о царившем здесь еще вчера бурном веселье.

Пройдя через большую двойную деревянную дверь, Михаил оказался в просторном вестибюле общепита.

Света училась на платном отделении первого курса. Они переехали в Прахов, опоздав к началу учебного года, и теперь девушка занималась дополнительно, наверстывая упущенное. Но главное – это был подходящий момент для того, чтобы войти в новую жизнь.

Откуда-то извне в узкий коридор доносились отзвуки пения птиц, громкие, но неразличимые слова, произносимые женскими голосами. Михаил в одиночестве шел по коридору, а струйки удушливого зловонного пара, которые Каганов не мог видеть, тянулись по полу. Это напоминало тихое течение воды под аккомпанемент недоступного слуху царапанья и скрежета когтей по кафельному полу.

Миновав несколько дверей с черными номерными табличками, и тяжелую каменную лестницу с чугунными перилами, ведущую наверх, он остановился у двери с номером сто один. Мысли путались в голове, сердце бешено колотилось. Он был сбит с толку и никак не мог понять, что вдруг на него нашло. Ну же, Каганов, перестань трястись и соберись!

Михаил не смог найти ни ответа, ни толком объяснить происходящее. Он не знал, что в это время маленький бес накрепко присосался к нему, как скользкая черная пиявка. Его когтистые пальцы обвивались вокруг ног Михаила, словно щупальца спрута, удерживая его и отравляя его дух. Желтые выпученные глаза на шишковатой физиономии наблюдали за ним, буравя насквозь. Каганов чувствовал глубоко внутри все возрастающую боль, и маленький дух знал это. Но удержать этого человека становилось все труднее. Пока Михаил стоял в пустом коридоре, в нем начало просыпаться чувство отчаяния, любви и горечи. Жалкие остатки раздражения и запала догорали. Демон снова начал карабкаться вверх по его телу. Михаил замер, одинокий и растерянный.

– Здравствуй, папа.

Демон мгновенно скатился вниз и не удержавшись упал, злобно ворча от возмущения. Каганов обернулся и увидел дочь.

– Что ты тут делаешь, папа? – казалось, Света была явно недовольна внезапным появлением отца.

– Я тут проезжал мимо и подумал, вдруг ты не против заехать к нам с мамой в гости на ужин.

Михаил вздохнул и прикрыл глаза рукой, пытаясь побороть охватившую его слабость. Демон тут же воспользовался возникшей ситуацией, и в это же мгновение Каганов почувствовал, что в эту минуту его чувство любви к дочери сменилось глубоким сомнением и подозрением. Она не рада его приходу? Вместо занятий гуляет с мальчиками, а быть может, и пьет с ними алкоголь? Может, что и похуже вытворяет?

Демон запустил когти в его сердце, и несчастный отец пробормотал невнятно: «Как я могу ей верить?»

– Во славу Господа нашего! – раздался оглушительный рев и сквозь коридорное окно сверкнул голубоватый луч. Демон вобрал когти и, отцепившись от Каганова, испуганно отлетел, как муха. Он приземлился в отдалении, дрожа и подобравшись для защиты. Огромные желтые глаза, казалось, готовы были выскочить из орбит, трясущаяся рука сжимала черную, как сажа, кривую саблю.

Бес оцепенел, внимательно вслушиваясь и всматриваясь. Но кроме шелеста листьев за окном, колеблемых легким ветерком, не доносилось ни звука. Ничего. Длинные тягучие струи желтого пара источались из ноздрей беса, как будто он сдерживал дыхание. Несомненно, не могло быть ошибки в том, что именно он заметил. Но почему же нападавшие просто исчезли и не прихлопнули его?

* * *

Неподалеку от происходящего, невидимые для окружающих, светящимися кометами на землю стремительно спускались два гиганта. Они быстро скользили в воздухе на раскинутых крыльях, трепещущих за спиной и горящих, подобно вспышкам молний. Один из спускавшихся, громадный чернобородый атлет, был чрезвычайно расстроен и полон гнева. Он что-то выкрикивал, грозно размахивая длинным блестящим мечом. Второй гигант, немного меньше чернобородого, внимательно оглядывался, опасаясь, как бы их не заметили, и успокаивал своего разбушевавшегося спутника.

Стоило им приземлиться, как блестящие крылья за спиной исчезли, и эти двое стали похожи на вполне обычных людей, которых можно было встретить на улицах Прахова. Один из них мог похвастаться густой копной белых волос, а второй кучерявой черной бородой.

Бородач буквально ревел от гнева и негодования.

– Трикс! – закричал он на спутника: – Ты здесь откуда?

– Тихо, Сим, тихо! Меня послали сюда, как и тебя. Но я здесь со вчерашнего вечера.

– Ты в курсе, что это за гниль? Ревузар, демон, побуждающий в людях отчаянье и самодовольство! Если бы ты мне не помешал, я бы от него и мокрого места не оставил.

– И я рад, что смог помешать тебе это сделать. Ты еще не вошел в курс дела.

– А что мне нужно знать такого, что остановит меня от уничтожения проклятых демонов?

Трикс постарался объяснить как можно проще:

– Сейчас мы не можем трогать исчадий ада, Сим. Еще рано.

Сим был уверен, что его давний друг заблуждается. Он стиснул плечо Трикса, вопросительно глядя прямо в глаза:

– На Землю меня призывают лишь с одной целью – сражаться.

– Обычно дела обстоят именно таким образом, – ответил Трикс, согласно кивая, – но не в этот раз.

– И кто же принял такое решение?

Выдержав паузу, Трикс ответил:

– Это приказ Серафима.

Услышав эти слова, бородач онемел и лишь ошеломленно кивнул.

* * *

Невидимые простым смертным, Сим и Трикс стремительно поднимались к вершине холма. Они двигались беззвучно, скрытые ночными тенями, как гонимые ветром лепестки. Когда они уже почти достигли церкви, отец Георгий появился из-за угла, вытирая от влаги кошу-литовку. Сим замер, чтобы разглядеть его получше.

– Это он? – спросил он Трикса. – Тот, из-за которого мы здесь?

– Да, – ответил Трикс, – мы заметили его пару месяцев назад.

– Но как в таком небольшом и погрязшем в грехах городке мог появиться... такой как он? Для чего нас вызвал Серафим?

Вместо ответа Трикс потянул его за руку:

– Нам нужно спешить.

Не теряя времени даром, они прошли прямо сквозь стены в главный зал церкви. А зал уже был полон. По всему помещению, подпирая колонны или разбившись на парочки и что-то обсуждая вполголоса, в зале собрались небесные воины. Все они были одеты, как Сим и Трикс, в бурые куртки и просторные брюки. Однако чернобородый сразу отметил, что

выглядели они очень внушительно. Общая атмосфера происходящего передалась и ему. Со стороны могло показаться, что в церкви проходила встреча старых друзей, ветеранов какой-нибудь из многочисленных войн прошлого. Отчасти так оно и было.

Оглядевшись по сторонам, Сим заметил несколько старых знакомых. Танат, высокий и молчаливый, но жестокий в битве. Тумар, крепкого телосложения, чьего боевого гнева часто бывало достаточно, чтобы обратить врагов в бегство. Машанай, чопорный, с отвратительным шрамом на плече: однажды один демон успел нанести удар прежде, чем Машанай навеки упокоил своего противника.

В этот момент Сим увидел спешащего к нему одного из самых старых своих друзей:

– Добро пожаловать, Сим. Мы ждали только тебя.

Серафим, легендарный капитан небесного воинства, заключил Сима в крепкие медвежьи объятия. Серафим был, как всегда, великолепен – золотоволосый, со слегка смуглым оттенком кожи и пылающим взглядом синих глаз.

– Я рад возможности вновь сражаться под вашими знаменами! – сказал Сим, и приятные воспоминания о былых сражениях пронеслись в его голове. Он достал из ножен свой клинок и отсалютовал: – Приветствую тебя, мой капитан!

– Я созвал вас для выполнения очень важного задания, – начал Серафим.

– Капитан, кто наш противник?

Серафим ответил медленно и с плохо скрываемой ненавистью в голосе:

– Рафавал, князь Карфагена.

Все собравшиеся взглянули на Сима, оценивая его реакцию. В зале повисла долгая пауза, во время которой Сим надеялся, что кто-то из присутствующих скажет, что это шутка и все рассмеются. Но этого не произошло – Серафим говорил серьезно.

Сим взглянул на свой клинок: показалось, или он действительно дрожал? Воин попытался сдержать себя, но получилось не сразу. Долго он смотрел на свой славный меч, закаленный в сотнях сражений. Именно этим клинком он когда-то нанес решающий удар и отправил Рафавала прямо в адские недра. Он до сих пор помнил ужасный крик темного демона, после которого небесные воины долго не могли прийти в себя и порадоваться долгожданной победе.

– Я знаю, что ты не обманываешь меня, – наконец Сим нарушил затянувшееся молчание. – Но для чего Рафавалу понадобился этот город?

Серафим покачал головой:

– Его истинных целей мы пока не знаем. Но здесь появился именно он, Рафавал, сомнений нет. Святой Дух послал нас сюда, и мы должны выполнить его миссию.

– Но мне сказали, что нам пока запрещено уничтожать демонов! Как нам тогда выполнить задачу Святого Духа? Уговорить демонов и их князя раскаяться?!

– Сейчас в круг наших задач входит простое наблюдение. – Серафим многозначительно посмотрел в глаза чернобородому воину: – Идеальный вариант, если наш противник до определенного момента вообще не узнает о том, что я в Прахове.

Сим понял, что в данный момент его обнаженный клинок весьма некстати, и поспешил убрать его обратно в ножны.

– Капитан, молю, скажите, что у вас есть какой-то план, – не отступал Сим. – Я не поверю, что нас прислали сюда простыми наблюдателями. В этом зале собрались лучшие и сильнейшие бойцы небесного воинства!

Под окном раздался кашель, и Серафим, обернувшись, указал в ту сторону.

– Задачей Машанай было привести отца Георгия сюда, – объяснил капитан. – Отвести взгляды врагов и помочь стать настоятелем церкви. Машанай с поставленной задачей справился. И с того дня как отец Георгий прибыл в Прахов, он безудержно молился. Мы здесь

ради него. И пока враги батюшки планируют устранить его со своего пути, как бы поскорее убрать его с дороги, мы должны защитить его. Он один из истинно верующих.

– Я думал, что он единственный в этом городе, – удивился Никон, тот самый брюнет в спецовке, что указал Караваевой ночью в парке на притаившихся в тени заговорщиков во главе с Буркиным.

– Это не так, – возразил Серафим, – есть и другие. Все начнется здесь, в Прахове. А наш штаб мы устроим в стенах этой церкви, поближе к отцу Георгию. Нагиши, – обратился он к высокому воину-азиату, – на тебя ложится ответственность за оборону церкви.

Нагиши, не теряя времени даром, подозвал к себе двух воинов, и они ушли осматривать периметр.

– Трикс, теперь я хочу узнать последние новости о Михаиле Каганове.

– Я следил за ним неотрывно, пока не столкнулся с Симом. В этот момент на Каганова напал Ревузар и пытался высосать из Михаила любовь к его дочери. Сим спугнул порождение тьмы, и, я надеюсь, мы остались незамеченными.

Серафим выслушал новость с большим интересом.

– Это означает лишь то, что враг сделал свой ход и открыл охоту на Каганова.

– Признаюсь, я не верил в подобное развитие событий. Каганов не похож на человека, способного нести это бремя.

– Да, на первый взгляд Михаил – обычный человек, подверженный влиянию порока и грехов. Но это как раз и придает ему основную ценность. Он отречется от всего греховного и станет мощным оружием в деле Царства. – Теперь Серафим был готов перейти к делу. Он обратился ко всем присутствующим в зале: – Я рассчитываю, что Рафавал лично прибудет в Прахов в ближайшие часы. Вы сразу почувствуете его присутствие.

– Можно быть уверенными в том, что Рафавал пошлет демонов испытать стойкость духа отца Георгия. Никон, Трикс, подберите четырех помощников и охраняйте его. – Серафим тронул Никона за плечо. – До сего моменты ты прекрасно исполнял возложенные на тебя обязанности. Не подведи же нас и далее.

– Благодарю вас, капитан.

– Нынче тебе предстоит трудная задача. Этой ночью ты должен быть готов к прямым угрозам для жизни отца Георгия! Что же касается Михаила Каганова, – продолжал Серафим, – он, пожалуй, единственный, в ком я до конца не уверен. Рафавал не успокоится, пока Михаил не будет полностью сломлен. Он представляет для князя тьмы большой интерес, как и для меня. Особенно сегодня ночью.

Серафим вытащил меч из ножен и высоко поднял его. Воины последовали его примеру. Капитан обратился к собравшимся:

– За престол Господень!

– За престол Господень, – громогласно повторили они.

* * *

Подвывая от страха и отчаянья, Ревузар спешил укрыться в недрах факультета психологии, а точнее – в подвале здания, где он размещался. Там, во мраке, среди коммуникаций и старой ненужной мебели, он встретил десятки своих собратьев, пребывавших в необычном возбуждении. Проскользнув в узкий лаз, Ревузар полетел по коридору в дальний конец коридора, где располагалась заброшенная котельная. В котельной было темно от набившихся туда inferнальных существ и демонов.

Ревузар подошел к двум отвратительным склизким существам, служившим кем-то вроде охранников при входе в логово демонов.

– Где князь Лизор? – спросил Ревузар.

– Ищи его сам, ничтожество, – огрызнулся один из охранников.

Ревузар пролетел мимо, решив даже не вступать в бесполезные пререкания. Через минуту он обнаружил Лизора, князя Прахова, – демона, который занимал среди собравшихся самое высокое положение. Лизор раздавал указания и обсуждал со своими ближайшими помощниками планы по стремительному захвату города. Всем своим видом Лизор поддерживал свое превосходство над окружающими. Огромный и мощный, он на две головы возвышался над своими подчиненными и явно наслаждался этим.

Ревузар слишком нервничал, чтобы соблюдать правила демонического этикета. Протолкавшись сквозь группу приближенных к князю советников, он в ужасе замер под взглядом Лизора, удивленного столь бесцеремонным поведением мелкого беса.

– Достославный Лизор, – тонким голоском провыл Ревузар, – я должен поговорить с вами.

Глаза Лизора сузились. Он явно был недоволен столь непочтительным нарушением протокола.

– Почему ты здесь, червь? Я отправил тебя на задание, ты должен быть рядом с Кагановым! – прорычал он.

– Я должен сообщить вам нечто важное...

– Как ты вообще смеешь обращаться ко мне, прежде чем я позволил тебе открыть рот, червь?

– Но это чрезвычайно важно. Я как раз выполнял ваше поручение, когда на меня напали...

Звук пощечины, нанесенной ребром ладони, прозвучал словно треск сломанной ветки. Лизор вложил в удар всего лишь толику силы, но и этого было достаточно, чтобы маленький бес отлетел в другой конец помещения. После чего князь соизволил подняться со своего места и, пройдя через зал, навис над Ревузаром подобно скале.

– На тебя напали? Да кто это мог быть? Ты просто потерял его, червь, и теперь придумываешь нелепые отговорки!

– Не бей меня! Выслушай сначала!

Огромные когтистые лапы сгребли Ревузара в охапку, отчего у того затрещали кости, и он оказался в воздухе на уровне глаз Лизора.

– Михаил может встать у нас на пути, а этого нельзя допустить. И что же помешало тебе выполнить твою важную миссию, червь?

– Я... я видел сегодня посланников Святого Духа!

Услышав эти слова, все присутствующие в котельной демоны захохотали, захрюкали и завизжали.

– И что из этого? Мы видим и встречаем их каждый день, – холодно произнес Лизор.

– Но они не просто пролетали мимо, они следили за Кагановым и помешали мне воздействовать на него!

– Да что ты мелешь, червь? Небесные воины ничего не знают о моих планах! Они для этого слишком глупы.

Пока Лизор упивался собственной славой и откровенно издевался над маленьким бесом, он не заметил, что царившая в котельной атмосфера резко переменилась. Все находящиеся в подвале демоны почувствовали приближение чего-то неотвратимо большого и ужасного. Потом что-то случилось – так внезапно, что некоторые демоны из слабейших завывали от страха и ужаса. Страшное кипящее облако с грохотом заполнило помещение заброшенной котельной. Бесов раскидало по углам, многие из них потеряли сознание или по крайней мере предпочли прикинуться бесчувственными телами. Остальные же принялись орать и вопить, словно их живьем жарили на костре.

Когда облако пара рассеялось, оставшиеся в сознании демоны увидели тело Лизора, болтающееся, словно марионетка с перерезанными веревочками, в огромной черной лапе демона-великана. Монстр превосходил размерами всех, кого они встречали раньше. Львиная морда, полыхающие адским пламенем глаза, покатые мышцы, похожие на канаты, перепончатые крылья невероятного размаха...

Пришелец с отвращением отшвырнул Лизора, и тот рухнул в валяющуюся на грязном полу груды бесчувственных бесов. Великан обнажил гигантского размера меч и обвел собравшихся хмурым взглядом.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем незванный нарушил молчание. Когда он заговорил, эхо от его голоса заметалось по помещению, заставляя остававшихся до сего момента в сознании пожалеть о своем решении.

– Лизор, чего разлегся? А ну встань и представь меня как полагается!

Гигант протянул руку с зажатым в ней мечом и подцепил кончиком лезвия валявшегося на полу Лизора за шиворот.

– Склонитесь в страхе! – прохрипел он срывающимся от боли и страха голосом. – Это Рафавал, князь Карфагена!

При этих словах князь Карфагена окинул демонов и бесов внимательным цепким взглядом и отвесил Лизору еще один хлесткий удар.

– Как ты посмел, ничтожный, именовать себя князем? Здесь может быть только один князь, и это я!

Лизор с трудом поднялся и смиренно встал в один ряд с остальными демонами. На него было жалко смотреть – Лизор выглядел униженным и раздавленным.

– К вам обращаюсь, мои верные прислужники, – прорычал Рафавал. – Воины престола Господнего уже здесь, в Прахове, и они готовятся дать нам отпор. Ангелы – наши вечные противники, и они сделают все, чтобы одержать победу над нами. Не забывайте об этом никогда.

Тут взгляд Рафавала остановился на мелко трясущемся Ревузаре. Жестом князь велел приблизиться маленькому бесу поближе и, слегка наклонившись к нему, спросил:

– Я слышал, что ты сказал Лизору о том, что встретил сегодня посланников Святого Духа, не так ли, червь?

Ревузар утвердительно закивал.

– Где именно ты их видел?

– Буквально в нескольких сотнях метров от нашего укрытия.

Рафавал насупил брови и вновь обратил свой взгляд на Лизора.

– Докладывай, князь-не князь, что происходит в Прахове? Как продвигается исполнение наших замыслов?

Лизор поспешно отчитался князю о случившихся за последние несколько дней событиях. Выслушав его, Рафавал остался недоволен.

– Чем вы тут занимались? Почему этот поп и Каганов все еще живы и стоят у нас на пути?

Лизор замялся.

– Как ты допустил такое, я тебя спрашиваю? Сперва ты позволил им добраться до Прахова, который я так долго выбирал для осуществления своего плана... – длинная вонючая струйка пара вырвалась между клыками Рафавала. – Теперь еще небесное воинство, которое ошивается на самом пороге. И это не говоря о том, что Георгий продолжает молиться. Ты понимаешь, что это все значит?

Лизор кивнул:

– Да, конечно, понимаю. Но мы прикладываем все наши усилия, чтобы выжить его из города.

– Ну и чего вы смогли добиться всеми своими усилиями? – язвительно поинтересовался Рафавал.

– Ни... ничего. Он по-прежнему молится...

Рафавал покачал головой:

– А чего вы ждали от отмеченного Святым Духом? Ну, а Каганов? Что с ним?

– Мы... мы хотели воздействовать на него через его любовь к дочери, но тут вмешались посланники...

Услышав это, Рафавал взревел громче прежнего:

– Я же тысячу раз говорил им, что это не поможет! Этим мы только подтолкнем Михаила и разбудим в нем истинную веру. Каганов не представлял для нас угрозы, пока мы не нарушали его благополучия. А теперь... теперь я боюсь, что мне не удастся заполучить его обратно, он... Я не допущу, чтобы Каганов сыграл свою роль в этой партии. Эй, червь!

– Я... – пискнул Ревузар.

Рафавал выхватил мелкого беса из толпы и процедил, обжигая вонючим дыханием:

– Забери у него мужество! Это задание тебе по силам?

– Да-а-а-а...

Но Рафавал не стал слушать ответ, не глядя зашвырнув мелкого беса обратно в толпу.

– Уничтожьте его, обложите, лишите почвы у него под ногами. Что же до отца Георгия, появившегося из ниоткуда и нарушавшего все наши планы, мы заманим его в западню. Но не смейте больше так пренебрежительно относиться к ангелам! Откройте на них охоту, узнайте, где их логово и какова их численность. Какие у них планы и что они хотят предпринять против нас. Наш хозяин, поручивший мне возглавить эту миссию, не допустит ошибок и проволочек. У него грандиозные планы на Прахов. И лишь одного только факта, что я лично прибыл в этот город, хватит для того, чтобы сюда слетелось все небесное воинство. Одного моего появления достаточно, чтобы стянуть целую армию противника на наши головы! Ну а сегодня ночью мы проверим, что собой представляет эта парочка – священник и журналист.

Третье

Шел дождь, мелкие капли воды барабанили по стеклу и оконной раме, не давая отцу Георгию и его жене уснуть. Через час Мария все же смогла заснуть, но Георгий, на душе у которого было и без того беспокойно, все никак не мог сомкнуть глаза. Ему не давали покоя надпись на стене, тяжелый разговор с Антоном Буркиным, а больше всего беспокоили горькие и обидные слова, прозвучавшие в его адрес на недавнем собрании церковной общины. И Георгий чувствовал, что следующее собрание может стать для него последним на посту отца настоятеля.

Невероятно, насколько каждый комок в матрасе кажется еще жестче, когда человек взволнован. Георгий уже начал беспокоиться, что своим тяжелым дыханием и горестными вздохами он разбудит Марию. Когда же мысли его стали совсем тяжелыми, священник сел на постели и посмотрел на прикроватные часы. Время уже за полночь, а спать они легли в девять часов вечера.

Георгий вновь лег и попытался уснуть. Совершенно неожиданно ему это удалось, он с головой провалился в забытие. Но сны, ждавшие его прихода, совсем не понравились молодому священнику. Сперва это был давно знакомый Георгию сон: Прахов погружался во тьму, повсюду на улицах города слышались крики боли и страха, перемежавшиеся с сатанинским хохотом и звериным рычанием кошмарных существ. Происходящее нагоняло на отца Георгия ужас и оторопь. Ему отчаянно хотелось закричать, но горло словно сдавила чья-то невидимая ледяная рука. Картинки перед глазами священника кружились, чехардой сменяя друг друга. И тогда он стал молиться, прямо во сне. Как ни странно, молитва помогла. Хватка невидимой руки ослабла, и Георгий глубоко вдохнул, чтобы окончательно сбросить с себя остатки кошмарных сновидений.

Но в первые секунды после пробуждения ему показалось, что сон еще не кончился. Как иначе он мог объяснить тот факт, что под потолком своей спальни он увидел нечто, похожее на привидение? От эфемерного существа исходил удушливый запах серы. Георгию казалось, что сердце его стучало с такой силой, будто вот-вот выскочит из груди. Пропитанные потом простыня и пододеяльник неприятно липли к телу.

«Мне это снится, мне это просто снится, – уговаривал себя священник. – Я должен проснуться. Сердце, перестань, прошу тебя, мне еще рано умирать».

Собрав остатки сил, Георгий заставил себя оторвать взгляд от парящего под потолком призрака и вновь сел на кровати. Несколько минут он сидел в постели не шелохнувшись, прижимая руку к груди, пытаясь сдержать удары сердца. Наконец ему удалось успокоить взбунтовавшуюся мышцу. Только после этого он осмелился поднять глаза к потолку и с облегчением обнаружил, что призрак исчез. Но не успел он обрадоваться, как услышал на кухне страшный металлический грохот.

И тогда отец Георгий стал молиться.

* * *

В эту ночь не только отцу Георгию снился апокалиптический кошмар о снисхождении тьмы на улицы Прахова. Похожий сон видел и Михаил Каганов, чьи сердце и психика также подвергались чрезмерным нагрузкам. Но проснулся журналист не от грохота, а от посторонних голосов в своей квартире.

Встав с постели и надев тапочки, он направился к кладовой, дверь в которую располагалась рядом со спальней, и на ощупь в темноте нашел там свою старую хоккейную клюшку.

Затем он внимательно осмотрел межкомнатный коридор, в котором царили тьма и зловещая тишина. Ноги у Каганова подкашивались и дрожали от страха. Михаил щелкнул выключателем, но с удивлением обнаружил, что то ли лампочка в коридоре перегорела, то ли выключатель барахлит. В любом случае, зажечь свет в коридоре ему не удалось. Покрепче сжав в дрожащих руках деревянную клюшку, журналист осторожно двинулся по коридору, прижимаясь спиной к стене и напряженно вглядываясь и вслушиваясь в окружающее пространство. В темноте ему чудилось, что кто-то крадется ему навстречу.

Каганову показалось, что он заметил что-то под аркой дверного проема, ведущего в гостиную. Журналист вжался в стену, стараясь остаться незамеченным. Дверь на лестничную площадку была открыта. Сердце забило еще сильнее, в висках стучало. Это был беспричинный, отвратительный страх, как детский страх темноты. А ведь сегодня он уже испытывал подобный ужас. Странно, но почему-то он почувствовал себя немного спокойнее, по крайней мере распахнутая дверь указывала на реального врага.

Неожиданно в голове пронеслась дикая мысль: в квартире есть кто-то чужой.

Михаил прошел по коридору в комнату Светы, чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Он хотел увидеть жену и дочь, ведь в доме явно что-то происходило.

Дверь в спальню Светы была открыта. Это было необычно, и поэтому он насторожился еще больше. Держа клюшку наготове, Каганов медленно двинулся к открытой двери и заглянул в комнату.

Кровать пуста, а сама девушка исчезла. Михаил повернул выключатель. Постель разбросана: одеяло валялось на полу, как будто его поспешно отшвырнули прочь, в комнате царил совершенный хаос.

Михаил вышел из комнаты дочери, и пока он наощупь пробирался дальше по темному коридору, ему пришло в голову, что Света могла просто выйти в ванную или в туалет. Но эта простая мысль вовсе не объясняла того дикого ужаса, который охватил его. Он сделал несколько глубоких вдохов, изо всех сил пытаясь взять себя в руки, но страх не проходил. Это был предательский, неестественный страх, как будто Каганов был всего в сантиметрах от неведомого чудовища, готового сомкнуть челюсти на его горле.

В ванной было темно и холодно. Каганов включил свет, приготовившись к ужасному зрелищу. Все было в порядке, он не заметил ничего необычного. Проверив кухню и туалет, он повернул обратно в сторону гостиной.

Настороженно, словно вор, готовый броситься в любую секунду прочь, Михаил осторожно заглянул в комнату. Он быстро включил свет. Нет! Это лишь холодный воздух, задувающий в открытую дверь, шевелил гардины. Дочери не было и здесь. Может, она вышла во двор?

Но Михаил не сразу решился пойти к входной двери. Идти надо было через гостиную, где за каждой вещью могла притаиться опасность. Он крепче сжал клюшку, занес ее для удара и начал обходить гостиную кругом, держась спиной к стене: отступил к дивану, заглянул за него, обогнул «стерео» и наконец добрался до двери.

Каганов, как был, босиком и с клюшкой в руках, вышел на лестничную площадку, где сразу почувствовал себя спокойнее. В подъезде было тихо. Все жители в этот час мирно спали в постелях, а не шастали, крадучись, по собственному дому с хоккейным инвентарем. Постояв некоторое время и собравшись с силами, Михаил вернулся в свою квартиру.

Закрывать за собой дверь было все равно что запереться в тесном чулане с сотнями змей. Страх вернулся снова, Михаил крепче сжал клюшку и, стоя спиной к двери, оглядел комнату. Но почему так темно? Свет был зажжен, но лампы горели настолько тускло, будто их окунули в черную краску.

«Каганов, – подумал он сам о себе, – ты или рехнулся, или влип в неприятную историю». Он замер у двери, вглядываясь и вслушиваясь. И все-таки в доме кто-то был. Каганов никого не видел и не слышал, однако ощущал чье-то присутствие.

* * *

Перед домом, укрывшись в тени кустов сирени, Серафим и его спутники наблюдали за тем, как бесы – он насчитал их не меньше тридцати – испытывали стойкость духа и рассудок Михаила. Демоны шныряли из дома на улицу и обратно в дом, как угольно черные ласточки, они носились по комнате, кружа вокруг Каганова, выкрикивая ему в уши ругательства и богохульства. Они питались его страхом, который становился все сильнее и сильнее. Серафим внимательно следил, не появится ли Рафавал, но его не было в этой беснующейся толпе мелких бесов. Хотя, без сомнения, демоны действовали по приказу самого грозного князя Карфагена.

Серафим и его друзья страдали вместе с Михаилом, всем сердцем разделяя его мучения. Один из бесов, маленький уродливый дьяволенок с острыми шипами по всему телу, вскочив на плечи Михаила, бил его по голове и орал: «Ты умрешь, Каганов! Ты умрешь! Твоя дочь мертва, и ты тоже умрешь!»

Сим был не в силах больше сдерживать себя. Его меч со свистом выскользнул из ножен, но сильная рука командира остановила его.

– Позволь мне, капитан, – умолял Сим. – Никогда еще я не видел такой откровенной наглости со стороны бесов!

– Еще не время, – урезонил его капитан, – к тому же Каганов справляется с ними. Он должен сам одержать победу в этом сражении.

– Но позволь убить хоть пару демонов!

Сим видел, какую муку испытывал сам Серафим, отрицательно помотавший головой.

– Нет. Он должен справиться сам.

* * *

Георгий включил свет по всему дому, но ему казалось, что зрение сыграло с ним подлую шутку, потому что в комнатах по-прежнему было очень темно. Священник не мог понять, сам ли он или это только тени двигаются по стенам. Странные вздымающиеся волны сумрака колебались, будто в такт медленной ровной мелодии.

Святой отец стоял в дверях между кухней и большой комнатой, весь превратившись в слух и зрение. Он чувствовал какое-то неясное колебание воздуха, но это был не свежий ветер с улицы, скорее оно было похоже на чье-то горячее, едкое, гнетущее дыхание.

Заглянув в кухню, Георгий обнаружил, что грохот наделала всего лишь маленькая кастрюля, соскользнувшая со стола на пол. Настолько обычное объяснение должно было бы немедленно успокоить его взвинченные нервы, но страх не проходил. Он знал, что рано или поздно ему придется побороть себя, и наконец священник решился и сделал первый шаг в большую комнату. Волосы встали дыбом от сильнейшего приступа страха, губы начали судорожно шептать молитву.

Георгий шагнул еще раз, и, прежде чем он успел сообразить, что произошло, его тело рывком подалось вперед, и он грохнулся на пол.словно мышшь, угодившая в мышеловку, он инстинктивно боролся, пытаясь освободиться от навалившейся на него невидимой тяжести. Руки и ноги бились о мебель, вещи сыпались на него, но, охваченный ужасом, он не чувствовал боли. Георгий извивался и судорожно всхлипывал. Он наносил удары руками

и ногами во все стороны, чувствуя какое-то необъяснимое сопротивление, подобное тому, какое ощущает своим движениям пловец. В ноздри ему ударил едкий запах дыма.

Время для священника будто остановилось, и ему показалось, что он умирает. Вдруг перед ним возникло не то привидение, не то зловещая галлюцинация: два красных, горящих, как у светофора, полных ненависти глаза. Горло перехватило, сдавило клещами, не давая крику вырваться наружу.

«Отец наш небесный! – пронеслось в его сознании. – Спаси и сохрани!»

Следующая мысль, короткая, мимолетная, похоже, пришла от Господа: «Бейся с ними! Ты сильнее их!»

Георгий твердо выговаривал слова вслух, сам не слыша их:

– Во имя Отца, Сына и Святаго Духа, повелеваю: изыди! У вас нет власти надо мной!

Страшная тяжесть, навалившаяся на него, внезапно исчезла. Ему почудилось, будто мощный поток воздуха подхватил его и оторвал от пола. Георгий судорожно вздохнул и заметил, что сражается с пустотой. Но паника еще не прошла: чье-то присутствие, черное, таящее угрозу, не исчезало.

Приподнявшись, он сел, еще раз перевел дыхание и произнес громко и отчетливо:

– Во имя Господа нашего, я приказываю тебе оставить мой дом!

Мария проснулась внезапно, словно от удара, удивленная и напуганная звуками борьбы и криками боли. Вначале шум был оглушительным, но потом звуки начали затихать, ослабевать, как бы удаляясь.

– Георгий! – встревоженно воскликнула Мария.

* * *

Михаил зарычал, как дикарь, и занес клюшку для удара. Притаившийся в темноте злодей тоже закричал от ужаса.

Это была Виолетта. Неожиданно для себя они столкнулись спинами, пятась в темном коридоре.

– Миша! – проговорила Виолетта срывающимся голосом. – Ты с ума сошел? – Она была вне себя и готова заплакать.

– Ох, – судорожно вздохнул Михаил и почувствовал, что напряжение уходит, как воздух из проколотой камеры. – Ты чего не спишь?

– Я проснулась от того, что тебя не было в кровати. Что происходит? – Виолетта посмотрела на клюшку, поняв, что все-таки что-то случилось, и в страхе прижалась к мужу. – В доме кто-то есть?

– Нет... – пробормотал он со смешанным чувством облегчения и отвращения. – Никого. Я проверял.

– Что случилось, кто это был?

– Я же сказал – никого.

– Но мне показалось, что... Я, наверное, спала. Но меня разбудили голоса.

– Никого не было, я же сказал.

Виолетта была озадачена:

– Но ведь что-то меня разбудило.

– Света исчезла, – наконец решился сообщить Михаил.

– Как это – исчезла, что ты имеешь в виду?

– Ее нет. Ее нет в доме. Комната пуста.

Виолетта бросилась в комнату Светы. Миша двинулся за ней и через открытую дверь наблюдал, как Виолетта осматривала гардероб, ящики письменного стола. Потом она произнесла с тревогой:

– Часть одежды пропала, и учебников нет на месте.

Виолетта выглядела совершенно беспомощной.

– Миш, она действительно ушла из дома!

Он довольно долго смотрел на нее, не произнося ни слова, потом оглядел беспорядок в комнате дочери, и голова его с глухим стуком ударилась о дверной косяк.

– За что мне это все? – простонал несчастный отец.

– Вчера вечером я заметила, что она была не в себе. Мне надо было разобраться. – Виолетта постаралась успокоиться и рассуждать логически. – Может быть, она отправилась спать к Тане?

– Посреди ночи? – вскрикнул Каганов, но, глядя в испуганные глаза жены, тоже постарался успокоиться и сказал уже почти шепотом: – Позвонить ей, спросить?

– Нет, уже поздно. Все равно, там она или ее там нет. Если ее нет, то мы только зря поднимем людей с постели. А если она там, то по крайней мере с ней все в порядке.

Тут Виолетта заметила, что с мужем творится что-то неладное. Он был бледен, слаб и явно чем-то потрясен.

– Что с тобой, Миша?

– Ничего. Дай мне минутку перевести дыхание...

Обеспокоенная, она обняла его за плечи.

– Да что с тобой? И убери в кладовку эту дурацкую клюшку!

Михаил явно колебался, прежде чем признаться:

– Мне страшно. – Его заметно била дрожь. – Я действительно боюсь, но сам не знаю чего.

Теперь уже перепугалась Виолетта.

– Миша... Не переживай так, Света вернется. Она большая девочка и не попадет в неприятности. А теперь давай ложиться спать. Утро вечера мудренее, так ведь?

– Да, ты, как всегда, права, любимая.

* * *

Впервые в жизни отец Георгий сражался с демонами. Они проявили удивительное упорство: внезапно, под покровом ночи, ворвались в дом, чтобы издеваться над ним и его верой. Демоны метались с воплями по комнате, прыгали по телу Георгия, стараясь до смерти напугать его.

И тут Никон и Трикс вместе с другими ангелами увидели из своего укрытия, как стаи перепуганных и разъяренных бесов, подобно взбудораженным летучим мышам, с шумом начали вылетать из дома. Они возмущенно кричали, зажимая лапами уши. Их было несколько десятков, и не было сомнений, что это «великий Рафавал» послал их, и теперь, потерпев неудачу, они в страхе убегали. Что же касается Георгия, он выдержал свое первое испытание блестяще. Ангелы были довольны.

– Серафим прав, отец Георгий не так прост, – начал Никон.

– Этот человек – крепкий орешек, – добавил Трикс.

Однако Георгий и Мария в ту минуту не чувствовали себя ни сильными, ни тем более победителями. Потрясенные, сидели они за кухонным столом. Мария обрабатывала йодом многочисленные ссадины и синяки на теле супруга. Священник был доволен уже тем, что остался жив, а Мария, все еще не оправившаяся от потрясения, пребывала в полном недоумении.

После долгого молчания Георгий наконец-то собрался с мыслями и подробно рассказал все, как было. Мария верила каждому его слову, вспоминая разбудившие ее дикие крики и шум падающих на пол предметов. Поделившись друг с другом неприятными впечатлениями,

супруги пришли к выводу, что случившееся этой бурной ночью было все же реальностью, а не кошмарным сном.

– Бесы, – заключил отец Георгий.

Мария согласно кивнула.

– Но почему? – не унимался священник. – Для чего это все?

Мария не знала, что ему ответить. Она ждала, что скажет муж. Наконец тот сказал:

– Это было мое первое настоящее испытание. Я был совершенно к нему не готов – и провалился.

Мария подала ему завернутую в целлофан курицу из морозилки. Священник дернулся, прикладывая ее к огромному синяку у себя на лбу.

– С чего ты так решил?

– Не знаю. Я сам виноват, они обвели меня вокруг пальца. Я позволил им пошатнуть мою веру в Бога. Боже милостивый! Помоги мне быть начеку в следующий раз! Дай мне мудрости, научи чувствовать их приближение и предвидеть их действия!

Мария погладила его по руке:

– Может быть, я ошибаюсь, но разве Господь этого уже не сделал? Я имею в виду, как бы ты мог узнать, как противостоять проискам дьявола, если бы ты... просто не испытал свою веру?

Именно это необходимо было услышать Георгию.

– Если хочешь знать мое мнение, то ты справился. Они исчезли, ведь так? А ты остался. Если бы ты слышал эти ужасные крики!

– Ты уверена, что это кричал не я?

– Абсолютно уверена.

Вновь кухню заполнила звенящая тишина.

– Что же нам делать? – спросила наконец Мария.

– Молиться, – ответил Георгий. Для него это было естественным выходом из любого положения.

И они молились, сидя за маленьким кухонным столиком, взяв друг друга за руки. Они провели так около часа, после чего отец Георгий исполнился решимости продолжать сражение с дьяволом, пока не заставит его обратиться в бегство, и был уверен, что Бог хочет того же.

* * *

Присутствие супруги успокаивающе подействовало на взвинченные нервы Михаила. С каждой минутой покоя к нему возвращалось сознание того, что мир не перевернулся, и он сам будет жить дальше, и утром, как обычно, взойдет солнце. Каганов недоумевал, отчего еще недавно все выглядело столь ужасно.

– Ну как, теперь лучше? – спросила Виолетта, намазывая масло на гренки.

– Вроде бы да! – ответил Михаил, отметив про себя, что сердце стучит так же размеренно, как и всегда. – Не понимаю, что на меня нашло.

Виолетта поставила перед ним тарелку.

Михаил взял горячую еще гренку и спросил:

– Значит, у Тани ее нет?

Виолетта утвердительно кивнула.

– Ты уверен, что хочешь поговорить о Свете?

Миша был готов к беседе.

– Да, нам нужно переговорить о многом.

– Не знаю, с чего начать...

– Ты думаешь, что я виноват?

– Ох, Миша...

– Пожалуйста, говори честно, я целый день получал удары в спину. Я тебя слушаю.

Глаза их встретились, и Виолетта долго смотрела на Мишу серьезным и полным любви взглядом.

– Вовсе нет, – наконец сказала она.

– Уверен, что виноват во всем я.

– Я думаю, мы все виноваты, Света тоже. Не забывай, что она многое решает сама.

– Конечно, но, может быть, это произошло оттого, что мы не предложили ей взамен чего-нибудь лучшего.

– Как ты считаешь, не поговорить ли с Молодцовым?

– Вот уж подходящий тип.

– Почему ты так говоришь?

Каганов безнадежно покачал головой.

– Может быть... может быть, этот Молодцов слишком слащав. Ты знаешь, он так много говорит об общечеловеческой семье, о самопознании, о спасении амурских тигров...

Виолетта была удивлена.

– А я думала, что он тебе нравится.

– Да... пожалуй. Но не всегда. Вообще-то, когда я бываю на занятиях у Молодцова, это напоминает заседание парламента или одну из тех странных лекций, которые слушает Света.

Он посмотрел жене в глаза – они были серьезны. Виолетта была вся внимание.

– У тебя никогда не возникала мысль, что Бог должен быть, как бы это сказать... значительнее? Тот Бог, которому раз в год ставим свечку... для меня Он нереален. А если Он на самом деле таков, значит, Он еще беспомощнее, чем мы сами. Неужели можно надеяться, что Света поверит той чепухе, которой я и сам не верю?

– Я не знала, что тебя мучают подобные мысли, Миша.

– Я только что об этом подумал. То, что случилось сегодня ночью... Я должен все основательно переосмыслить. За последнее время многое произошло.

– Что ты имеешь в виду? Что произошло?

«Нет, я не могу ей сейчас сказать», – подумал Михаил. Ну как ей передать странный, завораживающий взгляд Буркина и разговор с ним, а ужас, который он испытал сегодня ночью? Это было необъяснимо. В довершение ко всему Света исчезла. Он был потрясен своей полной неспособностью ответить ударом во всех этих ситуациях. Как будто кто-то управлял им. Но как объяснить все это жене?

– Ну, это длинная история, – отмахнулся он. – Единственное, в чем я уверен: наша жизнь, наша религия, словом, все, абсолютно все не в порядке. Что-то должно измениться.

– Может, ты хочешь поговорить с Молодцовым?

– Да ведь он...

В это мгновение, несмотря на то, что был час ночи, зазвонил телефон.

– Света! – воскликнула Виолетта.

– Слушаю! – Михаил поспешно рванул трубку.

– Привет! – раздался женский голос. – Ты не спишь?

Миша был разочарован. Это была Вера.

– Здравствуй, Вера, – сказал он и посмотрел на жену, лицо которой мгновенно омрачилось.

– Не клади трубку! Прости, что я звоню так поздно, но у меня была одна встреча, и я только что вернулась домой. Мне так хотелось проявить пленку... Ты сердиться?

– Сердиться я буду завтра утром, а сейчас я слишком устал. Ну и что у тебя вышло?

– Так вот. Я знаю, что на празднике я отсняла двенадцать кадров, в том числе с Буркиным, Молодцовым и тремя неизвестными. Сегодня дома я отщелкала оставшиеся двенадцать – снимала кота, соседку на фоне центрального универмага, вечерние новости и так далее. Сегодняшние снимки получились...

Наступила пауза, и Михаил понял, что он должен задать вопрос.

– А как с остальными?

– Эмульсия была абсолютно черной, полностью засвеченной. На пленке же проявились отпечатки пальцев, во многих местах. С камерой все в порядке.

Михаил долго не отвечал, и Вера окликнула его:

– Михаил... Алло?

– Это интересно, – очнулся он.

– Должно же это все что-нибудь да значить! Меня просто заело. Попробую выяснить, кому принадлежат отпечатки.

Опять наступила долгая пауза.

– Алло?

– Слушай, а как выглядела вторая женщина, блондинка?

– Средних лет, длинные светлые волосы... очень злая, по-моему.

– Толстая, худая, средняя?

– Да обычная фигура, как у меня.

Михаил нахмурился, его взгляд блуждал по сторонам, пока он собирался с мыслями.

– Увидимся завтра.

– Хорошо. Спасибо, что ты меня выслушал.

Михаил положил трубку. Вперив взгляд в крышку стола, он барабанил по ней пальцами.

– Что она тебе сказала? – спросила Виолетта.

– Да так, – произнес он, все еще раздумывая и медля с ответом. – Газетные дела, ничего особенного. Извини, а о чем мы говорили?

– Ну, если это по-прежнему имеет для тебя значение, – то мы обсуждали, стоит ли тебе поговорить с экстрасенсом Молодцовым о наших проблемах.

– Молодцов... – подхватил Михаил почти со злостью.

– Но если ты не хочешь...

Михаил уставился на остывшее молоко. Виолетта, подождав, пробудила его вопросом:

– Может, лучше вернемся к этому утром?

– Я поговорю с ним, – твердо сказал Миша. – Я... я хочу с ним поговорить. Будь уверена, что я с ним поговорю!

– Плохо от этого разговора точно не будет.

– Это еще не факт.

– Миша, – начала было Виолетта, но оборвала себя на полуслове. Похоже, что с ее мужем что-то произошло, это было заметно и по голосу, и по выражению его лица. Виолетте давно не доставало прежнего огня в глазах мужа. Может быть, только теперь она осознала, что этот огонь исчез с тех пор, как они переехали из Москвы. Старые непрошенные воспоминания, к которым она не хотела бы возвращаться, пробудились в ней сейчас, поздно ночью, когда их дочь так таинственно исчезла.

– Миш, – сказала она, отодвинув стул и убирая тарелку с остатками бутербродов с маслом. – Пошли спать.

– Вряд ли я сейчас усну.

– Я понимаю, – ответила она тихо.

Все это время Серафим и Сим находились в комнате, внимательно прислушиваясь к беседе. Сим неожиданно раскатисто рассмеялся.

– Нет, Михаил Каганов, – сказал Серафим с улыбкой, – ты и раньше не любил много спать... А сегодня Рафавал помог тебе окончательно проснуться!

* * *

Наступил вторник. Утреннее солнце светило через окно кухни, где Мария замешивала тесто. Отец Георгий нашел в записной книжке нужное ему имя: отец Евгений, в миру Евгений Дубинчук. Сам он никогда с Дубинчуком не встречался, и единственное, что слышал о своем предшественнике – дурно пахнувшие, злые сплетни. Теперь Евгений перебрался куда-то подальше от Прахова.

Георгий понимал, что это было его фантазией, выстрелом наугад. Но тем не менее он опустил на диван, снял трубку и набрал номер.

– Алло? – прозвучал в трубке усталый немолодой голос.

– Алло, – произнес Георгий, стараясь говорить приветливо, несмотря на взвинченные нервы, – Евгений Дубинчук?

– Да, кто это?

– Отец Георгий. – Он услышал глубокий, понимающий вздох Дубинчука. – Я пришел к вам на смену и возглавил православную церковную общину в Прахове.

– Да, отец Георгий. Как идут дела?

«Что ему ответить?» – размышлял Георгий.

– Э-э... хорошо, с одной стороны.

– И нехорошо с другой, – дополнил Дубинчук мысль.

– Да, можно и так сказать. Вы меня понимаете?

– Не совсем. Иногда до меня доходят слухи от некоторых прихожан нашей церкви. – Затем он поспешно добавил: – Я рад, что вы позвонили. Чем могу быть полезен?

– Э... поговорить со мной...

– Ну что ж, могу рассказать вам много интересного, – ответил Дубинчук. – Я слышал, что в пятницу будет собрание. Это правда?

– Да, это так.

– Голосование доверия, как я понимаю? Областная епархия до сих пор не признает нашу церковь, и все вопросы вы по-прежнему решаете сами.

– Да, вы совершенно правы.

– Видите ли, для меня это пройденный этап. Буркин, Теркин, Мазин и Стальной – все те же заводилы, что и в вашем случае.

– Вы, наверное, шутите?

– Нет. История повторяется, отец Георгий, поверьте мне.

– Они выбросили вас вон?

– Им не понравилось, что я проповедую и как исполняю мое служение, поэтому они настроили против меня всех прихожан, а затем им удалось провести голосование. У них был небольшой перевес, и я проиграл. Как думаете, почему в Прахове больше нет церквей? С этой нашей «старой гвардией», четверкой смутьянов, даже патриархат не хочет связываться!

– Те же четверо!

– Да, все те же четверо... Скажите, правда ли, что вы отлучили Леонида Стального?

– Правда.

– Слава богу! Я не предполагал, что Леня позволит кому-нибудь сделать такое.

– Как же! Оставшиеся трое постарались сделать этот вопрос главным в нашем конфликте. Не думаю, что они оставят меня в покое.

– А как отнеслась к этому община? Что говорят прихожане?

– Не знаю. По-моему, они разделились пополам.

– Ну и что вы думаете о происходящем?

Георгий не нашел ничего лучше, чем сказать прямо:

– Кажется, что происки лукавого очень сильны в этом городе. И вера простых людей подвергается сейчас испытаниям как никогда прежде. Как и вера служителей церкви.

На другом конце провода стало тихо.

– Алло?

– Да, я слушаю. – Дубинчук говорил медленно, с сомнением в голосе, как будто обдумывал каждое слово. – Что же вы конкретно имеете в виду под происками лукавого?

Георгий слегка замялся, он не представлял себе, как передать чужому человеку впечатления прошлой ночи.

– Э... я думаю, что сам сатана замешан в этом деле.

Дубинчук произнес почти требовательно:

– Отец Георгий, я спрашиваю, что конкретно вы видели?

Георгий начал осторожно развивать свою мысль. Он старался, чтобы его доводы выглядели здраво и ответственно, поэтому перечислил только самое важное. Шайка Буркина пытается расквитаться с ним: раскол прихода, сплетни, злобное отношение церковного совета, ругательства, написанные на стене дома, духовный разбой, который ему пришлось пережить прошлой ночью. Евгений прерывал его только для того, чтобы задавать уточняющие вопросы.

– Я понимаю, что это звучит безумно... – закончил Георгий.

Единственное, что смог выдавить из себя Дубинчук после глубокого вздоха:

– Эх! Да пропади оно все пропадом!

– Да, как вы правильно заметили, история повторяется. Несомненно, вы испытали нечто подобное? Или это происходит только со мной?

Дубинчук заговорил, тщательно подбирая слова:

– Я рад нашему разговору. Я все равно хотел позвонить вам. Не знаю, захотите ли вы выслушать мой совет, но... – Несколько секунд он собирался с духом. – Отец Георгий, вы уверены, что вы на своем месте?

Георгий почувствовал, как в нем просыпается инстинкт самозащиты.

– Да, я верю всем сердцем, что Бог призвал меня сюда.

– А вы знаете, что вас выбрали по ошибке?

– Некоторые так говорят, но...

– Это правда. Вам стоило бы во всем разобраться. Когда по итогу голосования праховская церковная община сняла меня с поста настоятеля и отвергла, они хотели пригласить другого священника, и уже решили, кого именно, но ясно, что произошла какая-то организационная ошибка. Кого они меньше всего хотели видеть у себя в церкви, так это батюшку, да еще из семьи священника, особенно после того, как они уже избавились от одного такого.

– Но они за меня проголосовали.

– Произошло какое-то недоразумение. Буркин и очень многие прихожане были против. Надеюсь, вы это понимаете. Так что позвольте мне дать вам несколько конкретных советов. На вашем месте я, не теряя ни минуты, начал бы упаковывать вещи и подыскивать другой приход, где-нибудь подальше от Прахова. Поймите, после пятницы, независимо от того, как пройдет голосование, будет поздно.

У Георгия перехватило дыхание. Вопреки его желанию, разговор явно клонился не в ту сторону, однако он смог только тяжело вздохнуть в ответ.

Дубинчук продолжал давить на него:

– Отец Георгий, я был в вашем положении и прошел все от начала до конца. И я хорошо знаю, что вам предстоит. Поверьте, эта история не стоит ваших страданий. Пусть они забирают эту церковь, пусть они забирают весь город, вам не стоит жертвовать собой.

– Но я не могу уехать...

– О да, конечно, вы же призваны Богом! Послушайте, у меня тоже было призвание. Я был готов к бою, был готов по-настоящему сражаться за город ради Господа. Но, видите ли, мне это стоило дома, репутации, здоровья и, похоже, семьи. Когда я покинул Прахов, я всерьез собирался сменить фамилию, исчезнуть. Вы и представить себе не можете, с кем имеете дело. В этом городе действуют такие силы...

– Какие силы?

– Ну, политические, социальные... духовные тоже, само собой разумеется.

– Конечно. Но вы так и не ответили на мой вопрос: что случилось со мной сегодня ночью и что вы об этом думаете?

Евгений, несколько помедлив, ответил:

– Георгий... не знаю почему, но мне трудно говорить о подобных вещах. Одно могу сказать, бегите из этого города, пока не поздно, бросьте все это. Вас не желают ни церковь, ни город.

– Я не могу уехать, я же вам сказал.

Наступило молчание. Георгий боялся, что его собеседник положит трубку. Но в конце концов Дубинчук все же заговорил:

– Ладно, слушайте. Мне пришлось пережить то же самое, что случилось с вами ночью. Но могу вас уверить – это только начало.

– Отец Евгений...

– Я сложил с себя сан, зовите меня Евгений.

– Господь призывает нас сражаться с сатаной, чтобы свет Евангелия светил во тьме...

– Отец Георгий, можете похоронить эти проповеди, они вам не помогут. Я не знаю, как вы вооружены и подготовлены, но если вы пройдете через все это и останетесь живы, меня это удивит. Я говорю совершенно серьезно.

У Георгия не нашлось лучшего ответа, чем просто сказать:

– Евгений... я дам вам знать, как пойдут мои дела. Может быть, я выиграю, а может быть, мне и не сносить головы. Бог не обещал, что я выйду из этой истории живым. Он велел мне остаться и сражаться. Одно вы мне разъяснили: сатана хочет завладеть городом. Я ему этого не позволю!

Георгий положил трубку и готов был расплакаться.

«Боже милостивый, – молился он. – Боже милосердный, что мне делать?»

Господь не дал ему немедленного ответа. Несколько минут Георгий сидел на диване, собираясь с силами и обретая уверенность в себе. Мария по-прежнему хлопотала на кухне. И хорошо, потому что Георгий все равно не смог бы сейчас поговорить с ней. Слишком много мыслей и чувств нахлынуло на него.

Потом на память ему пришел стих из Библии: «Встань и обойди эту землю, в длину и в ширину. Ибо тебе Я даю ее».

Да, это лучше, чем сидеть дома и киснуть. Он надел ботинки и вышел из дома.

Никон и Трикс ожидали своего подопечного снаружи. Невидимые, они сопровождали Георгия, направляясь вместе с ним вниз к центру города. Георгий был не особенно высок и осанист, а между этими гигантами выглядел и того меньше. Но вид у него был уверенный, и даже очень.

Трикс окинул его заботливым взглядом и промолвил:

– Интересно, что он собирается делать?

Никон не первый раз видел священника в подобной ситуации.

– Я думаю, батюшка и сам не знает. Дух ведет его, и Дух поручил его сердцу нести бремя этого города.

– Значит, у нас будет чем заняться!

– Только бы демоны не почувствовали угрозы.

– Так скажи об этом маленькому святому отцу.

Добравшись до центра города, Георгий остановился на одном из перекрестков и осмотрелся. Повинуясь указаниям светофора, во все стороны неслись старые и совсем новые легковушки и грузовики, спешили пешеходы.

Где же сейчас находилась эта нечисть? Как же ей удалось с такой силой заявить о себе прошедшей ночью и запрятаться так глубоко днем, заставляя сомневаться в самом своем существовании? Мимо Георгия, не замечая его, шли обычные, ничем не примечательные люди, с которыми он сталкивался ежедневно.

Да, именно за этот город он молился день и ночь со слезами и стонами, исходящими из глубины сердца, неся возложенное на него бремя, которое он не смог бы выразить словами. А сейчас этот город испытывал терпение Георгия, пытаясь выбить почву у него из-под ног.

– По-моему, ты попал в беду, а может, тебе это безразлично? – громко обратился он к городу.

Но никто его не слушал. Не угрожал ему и глубокий, полный ненависти голос.

Однако Дух Господа в самом священнике не собирался оставлять его в покое. «Молись, Георгий, молись за этих людей. Не давай им исчезнуть из твоего сердца. Здесь боль и страх, здесь притаилась опасность».

«Когда же мы победим? – спрашивал он Господа. – Ты знаешь, сколько я молился за них, обливаясь слезами? Как мне хотелось бы услышать хоть какой-нибудь отзвук! Я хочу увидеть, как эта сонная собака наконец зашевелится от моих пинков».

Удивительно, как это демоны умеют иногда воспользоваться сомнением именно в том, что они вообще существуют.

– Я знаю, что вы притаились где-то рядом, – произнес он тихо, пристально вглядываясь в бетон и стекло домов, в пустые лица фасадов. Духи дразнили его. Они могли напасть на него в любую секунду, начать запугивать и подавлять, а потом так же внезапно исчезнуть, ускользнуть в свои укрытия, играть с ним в прятки, наблюдая, как он мечется, подобно слепому безумцу.

Георгий опустился на скамейку, стоящую у самого края тротуара. Мужество его оставило.

– Я здесь, сатана, – произнес он. – Я не вижу тебя, и ты, может быть, действуешь быстрее меня, но я остаюсь здесь. И милостью Божьей и силой Святого Духа я собираюсь вступить с тобою в смертельную схватку – и биться до тех пор, пока один из нас не достигнет своего!

* * *

Каганов просмотрел пленку Веры. Он заметил маленькие царапины, появившиеся из-за небрежного обращения, и грубые отпечатки пальцев, повторяющиеся с одинаковым промежутком. Они могли быть оставлены только тем, кто вытаскивал пленку из аппарата, чтобы засветить ее.

В час дня у Михаила была назначена встреча с Молодцовым. Он подъехал за пятнадцать минут до назначенного времени, проглотив перед этим половину нарезного батона и запив его чашкой кофе из термоса.

Здание бывшего Дворца культуры, одно из крупнейших и представительных в городе, было построено давно в стиле ранних пятидесятых, подражая величественным зданиям тех лет в Москве: каменное, с большими высокими окнами, величественными пропорциями и длинным шпилем. Входная арка соответствовала общему впечатлению: высокая, немного пугающая, особенно когда посетитель в одиночку пытался справиться с массивной дверью.

ДК располагалась близко к центру города. Это было солидное заведение, Молодцов был почтенным жителем города, и люди, посещавшие «Общество Самосознания», – уважаемыми гражданами. Михаил часто ловил себя на мысли, что респектабельность и положение в обществе были неперемненными условиями членства.

Каганов взялся за ручку большой тяжелой двери, не без труда открыл ее и вошел внутрь. Нет, партократы тех лет никогда не скупилась на расходы. Пол в фойе, лестницы и зал были покрыты толстым красным паласом, деревянные предметы изготовлены из мореного дуба и ореха. Этому соответствовало и литье: металлические ручки, защелки дверей и окон, вешалки в гардеробе и перила. Окна были с грязноватыми стеклами, тяжелые люстры красовались под высокими потолками, украшенными затейливой лепниной.

Миновав еще одну громадную дверь, Михаил прошел в зал и пересек его по проходу между рядами скамей. Помещение напоминало не то оперный зал, не то громадный грот: мощный подиум, незыблемая кафедра с еще не снятым гербом, место для хора, да и, конечно же, сам хор, – все это было необыкновенно внушительно.

Кабинет Молодцова располагался сразу за подиумом, сбоку, и выход через большую дубовую дверь был необходимой частью воскресных занятий.

Михаил толкнул массивную дверь и вошел в приемную. Миловидная секретарша встретила его приветливо, хотя и не знала, кто он. Каганов представился, и она, сверившись с расписанием, сделала пометку. Михаил тоже заглянул в расписание, читая вверх ногами. На два часа была назначена встреча с Буркиным.

– Да ведь это сам Каганов, – Молодцов приветствовал посетителя с показной улыбкой делового человека и потряс его руку. – Входи, входи.

Михаил последовал за Олегом в его роскошный кабинет. Будучи весьма представительным мужчиной лет пятидесяти, в очках в стальной оправе, с круглым лицом и с жидкими волосами, Молодцов выглядел человеком, вполне довольным своим положением в обществе. Темные панели стен кабинета были сплошь увешаны памятными дипломами и поздравительными адресами от общественных и благотворительных организаций. Здесь же висели в рамках фотографии самого Молодцова в обществе губернатора, двух-трех популярных актеров, нескольких писателей и даже одного депутата.

Сидя за красивым внушительным столом, Олег Молодцов являл собой портрет преуспевающего бизнесмена, профессионала в своем деле. Кожаное кресло с высокой спинкой казалось тронem, а его собственное отражение на зеркальной поверхности стола было более пышным и великолепным, чем отражение горы в зеркальной глади альпийского озера.

Молодцов кивком указал Михаилу на стул. Журналист сел и сразу же отметил про себя, что опустился гораздо ниже уровня глаз собеседника. У него возникло хорошо знакомое чувство легкого испуга. Вся обстановка как будто способствовала этому.

– Приятный кабинет, – констатировал он.

– Спасибо большое, – ответил Молодцов с улыбкой, от которой его щеки собрались складками возле ушей. Свободно откинувшись в кресле, он слегка барабанил согнутыми пальцами по столу. – Мне он тоже нравится. Здесь спокойно.

«Здесь тебе спокойно, – подумал Каганов. – Ну и ну».

– Как обстоят дела в «Вечерке»?

– Вполне сносно. Ты получил сегодняшний номер?

– Да, мне он очень понравился. Он сделан в хорошем стиле. Должен отметить, что ты привнес в газету настоящую атмосферу большого города.

– Да...

У Каганова внезапно пропала охота говорить.

– Я рад, что ты с нами, Михаил, мы уверены, что у нас будут добрые отношения.

– Да, да, разумеется.

– И что же у тебя на сердце?

Каганов немного поерзал на стуле, а затем поднялся. На этом стуле он чувствовал себя микробом под микроскопом. «В следующий раз я захвачу с собой собственный большой письменный стол», – подумал он и начал ходить по кабинету, стараясь выглядеть независимо.

– Нам о многом предстоит поговорить за этот час, – начал он.

– Мы можем встречаться чаще.

– Конечно. Так вот, я хочу тебе сказать, что этой ночью исчезла Светлана, моя дочь. О ней ничего не слышно, и мы не знаем, где она... – Он коротко описал Олегу суть их раздора с дочерью и его предысторию. Молодцов слушал внимательно, не перебивая.

– Ты думаешь, что она отвергла ваши традиционные ценности, и это тебя огорчает? – спросил он под конец.

– Я не глубоко религиозен. Ты понимаешь, что я имею в виду? Но определенные вещи должны считаться правильными, а определенные – ошибочными, и мне не понравилось, что Света как бы... мечется то в одну, то в другую сторону.

Молодцов величественно поднялся из-за стола и подошел к Михаилу с улыбкой снисходительного, все понимающего отца. Он положил руку ему на плечо и сказал:

– Как ты думаешь, Михаил, она счастлива?

– Я никогда не видел ее счастливой. Может быть, только потому, что когда я ее вижу, она находится в моем обществе.

– И это, видимо, объясняется тем, что ты считаешь непонятным путь, который она выбрала в жизни. Скорее всего, ты высказываешься в духе полного неприятия ее философии...

– О да! А также профессорши, которая впутала ее в эту философию. Скажи, ты встречал ее? Как бишь ее зовут, профессор Лихова, из университета?

Олег подумал и отрицательно покачал головой.

– Света прошла у нее пару спецкурсов, и я замечаю, что моя дочь все больше и больше теряет связь с реальностью.

Молодцов довольно рассмеялся.

– Михаил, похоже, что она просто начинает изучать и познавать тот мир, ту вселенную, в которой живет. Разве ты забыл себя в этом возрасте? Многие истины представляются человеку обманом до тех пор, пока он не познает их сам. Вероятнее всего, это происходит сейчас со Светланой. Она очень умная девочка. Уверен, что ей необходимо разобраться и найти себя.

– Ну что ж, надеюсь, как только Света найдет себя, она позвонит.

– Михаил, я думаю, что ей гораздо легче было бы позвонить, если бы она знала, что дома ее встретят понимание и сочувствие. Не в нашей власти решать за другую личность, что ей делать с собой, или заставить ее занять то или иное место во вселенной. Каждый человек должен самостоятельно найти собственный путь и собственную истину. Для того чтобы мы могли существовать в этом мире как цивилизованное общество, нам необходимо научиться уважать других, признав за ними право на собственные убеждения и взгляды.

Михаил услышал знакомый мотив, как будто мысли из головы Светы перекочевали в голову Молодцова. Он не удержался от вопроса:

– Ты уверен, что никогда не встречался с профессором Лиховой?

– Абсолютно уверен, – ответил Олег с улыбкой.

– И с Антоном Буркиным тоже?

– С кем?

– С Антоном Буркиным, полковником милиции?

Михаил впился взглядом в лицо Молодцова. Скажет ли он правду?

– Я мог встречаться с ним... – ответил Олег наконец. – Я пытаюсь припомнить кого-нибудь с этим именем.

– Так вот, он думает точно так же, как ты. Тоже говорит, что мы должны договориться и быть терпимыми. Как получилось, что он стал милиционером, ума не приложу.

– Но мы, кажется, обсуждали Светлану?

– Хорошо, продолжай.

Молодцов заговорил:

– Все эти вопросы, над которыми ты бьешься, – что есть правда, а что – неправда, или что такое истина и почему у нас разные взгляды... многое из этого невозможно понять умом, ответы может подсказать только сердце. Мы все чувствуем истину, которая заставляет наше сердце биться в унисон. Каждый человек обладает естественной потребностью творить добро, любить. Каждый желает, как и другие люди, стремиться к своему благу и благу ближнего...

– Как я понимаю, ты не был на празднике?

Молодцов крякнул от досады:

– Я не отрицаю, что мы, люди, по ошибке можем склоняться к тому худшему, что в нас есть.

– Ответь, ты был на празднике начала лета?

– Конечно, каждый из нас неизбежно что-нибудь да видел. Но мне, как ты догадываешься, неинтересны такие праздники.

– Значит, ты не заглядывал в парк аттракционов?

– Конечно нет. Зачем мне бросать деньги на ветер? Что же касается Светланы...

– Да, мы говорили о том, что есть истина, и о различных взглядах... по отношению к Богу, например. Похоже, она не может Его постичь, а я как раз стараюсь это сделать. Мы не можем найти общей точки зрения в вопросах религии, и, как видно, ты нам не поможешь.

Молодцов многозначительно улыбнулся. Михаил понял, что сейчас услышит нечто возвышенное.

– Твой Бог, – важно произнес Олег, – есть там, где ты будешь Его искать. И чтобы найти Его, нужно только открыть глаза и увидеть, что Он в первую очередь находится внутри каждого из нас. Мы не можем быть вне Его, Михаил. Просто мы ослеплены своим незнанием, и это мешает нам ощутить ту любовь, ту надежность и смысл жизни, которых мы так жаждем. Иисус указал нам на наши грехи на кресте, не так ли? Он сказал: «Отче, прости им, ибо не знают...» Тем самым Он подал нам пример стремиться к познанию, всегда и во всем. Ты занят именно этим, так же как и Света. Все твои беды из-за ограниченности взглядов, Михаил. Ты должен открыть свое сознание. Ты должен искать, и Света тоже.

– Значит, ты считаешь, – подумав, произнес Каганов, – что все зависит от того, как мы смотрим на вещи?

– Частично – да.

– И если я что-то воспринимаю определенным образом, это вовсе не означает, что все остальные воспринимают одинаково со мной, верно?

– Совершенно верно! – Похоже, Молодцов был очень доволен своим учеником.

– Стало быть... посмотрим, правильно ли я тебя понял. Мой репортер Вера Караваева решила, что видела, как ты, Антон Буркин и еще трое неизвестных совещались в темном углу парка во время праздника начала лета. Значит, это было только ее личное восприятие действительности?

Молодцов улыбнулся странной, обозначающей «чего-ты-добиваешься» улыбкой и ответил:

– Как я понимаю, Михаил, ты сказал это только для примера. Уверю тебя, я и близко не подходил к аттракционам. Я терпеть не могу подобных развлечений.

– И ты не был вместе с Буркиным?

– Нет, вовсе нет. Как видишь, у госпожи Караваевой совершенно искаженное восприятие других людей.

– Ты хочешь сказать, вас обоих.

Молодцов, улыбнувшись, пожал плечами. Михаил решил поднажать немного:

– Как ты думаешь, насколько искажено ее восприятие?

Молодцов по-прежнему улыбался, но лицо его немного покраснело.

– Михаил, чего ты от меня хочешь? Чтобы я поссорился с тобой? Уверен, что ты пришел сюда не за этим.

Каганов решился на отчаянный шаг и выложил козыри.

– Она сделала несколько снимков.

Молодцов вздохнул и некоторое время смотрел в пол. Потом он холодно произнес:

– Когда в следующий раз ты принесешь эти снимки, мы продолжим наш разговор.

Ухмылочка Молодцова была как плевок в лицо Михаилу.

– Ладно, – пробормотал он, не опуская глаз.

– Марина назначит тебе новое время.

– Премного благодарен.

Михаил взглянул на часы, подошел к двери и, распахнув ее, громко сказал:

– Входи, Антон.

Антон Буркин сидел в приемной. Увидев Каганова, он подскочил, неприятно пораженный. Он выглядел таким взволнованным, как будто на него вот-вот налетит паровоз.

Михаил сгреб руку Антона и с чувством потряс ее.

– Здорово, приятель! Кажется, вы не знаете друг друга? Позвольте мне вас представить: Антон Буркин – это руководитель и президент нашего «Общества Самопознания» Олег Молодцов. Олег – это полковник милиции Антон Буркин!

Буркин явно не оценил сердечности Михаила, зато Молодцов оценил. Он вышел вперед, нервно потряс руку Буркина и, быстро втопив его в свой кабинет, крикнул через плечо:

– Марина, назначь, пожалуйста, господину Каганову новое время!

Но Каганова уже не было в приемной.

Четвертое

Света Каганова уныло сидела за столиком столовой в студгородке, в тени разросшихся кленов. Она рассеянно смотрела на подогретый пирожок в упаковке, медленно остывавший, и на маленький пакет сока, так же медленно нагревавшийся. Мысли Светы были заняты воспоминаниями о себе, своей семье и бесконечных стычках с воинствующим отцом. Она готова была заплакать.

– Почему, отец, – шептала она чуть слышно, – почему ты не любишь меня такой, какая я есть?

Как он может осуждать ее, почти не зная? Почему он настроен так резко против ее мыслей и философии, ничуть их не понимая? Они жили в разных измерениях, и каждый пренебрегал миром другого.

Вчера за весь вечер они с отцом не сказали друг другу ни слова, и Светлана отправилась спать расстроенная и злая. Она лежала и слушала, как ее родители чистили зубы, гасили свет и ложились в постель. Все это происходило как будто на другой стороне планеты. Ей хотелось закричать, позвать их в свою комнату, ее тянуло к ним, но она была уверена, что опять ничего не получится. Отец будет требовать невозможного и ставить свои условия, вместо того чтобы просто любить ее, только любить.

Света по-прежнему не понимала, что погнало ее из постели в ночь. Единственным, что она помнила, проснувшись, было мучительное состояние, как будто все страхи, которые она когда-либо испытывала раньше, навалились на нее одновременно: страх смерти, страх неудач, страх одиночества. Лихорадочно одевшись и выскочив на улицу, Света уже понимала, что совершает глупый и бессмысленный поступок, но эмоции в эту минуту были сильнее, чем доводы разума.

Света была в состоянии полной неопределенности: ничего хорошего не ждет ее ни сейчас, ни в будущем.

– Отец! – простонала она и заплакала.

Рыжие волосы упали по обеим сторонам лица мягкими волнами, слезы одна за другой капали на стол. Она старалась плакать тихо, но ей это удавалось с трудом, чувства нахлынули, как вода сквозь прорванную плотину.

– Э-э-э... – послышался мягкий голос, – прости, пожалуйста...

Подняв голову, Света увидела молодого человека, светловолосого, худощавого, с кариными глазами, полными сострадания.

– Прости, пожалуйста, что я тебя потревожил, – мягко сказал молодой человек. – Но... может быть, я могу тебе чем-нибудь помочь?

* * *

В гостиной профессора Юлии Лиховой было темно и очень-очень тихо. Стеариновая свеча на кофейном столике отбрасывала слабый желтоватый свет на высокие, до потолка, книжные полки, причудливые восточные маски, затейливо расставленную мебель и лица двух людей, сидящих друг против друга. Свеча разделяла их. Одним из расположившихся за столиком была сама профессор. Вторым был Антон Буркин, явно чувствующий себя неуютно.

– Ты не очень хорошо себя чувствуешь сегодня, не правда ли? – спросила Лихова.

Буркин пожал плечами и опустил глаза в пол.

– Да нет, все в порядке, я просто устал.

Юлия покачала головой, явно недовольная ответом.

– Нет, нет, я чувствую, как от тебя исходит какая-то энергия, ты чем-то озабочен. Разговаривал сегодня с Олегом? – наступала профессор.

– Ну, – буркнул в ответ Антон.

– Ходил к нему, чтобы рассказать о наших отношениях!

Буркин расстроено вздохнул:

– Да, мы говорили и об этом. Но вообще беседа была совсем о другом.

Лихова впилась в него взглядом, пронизывающим насквозь, как рентген, и заговорила так, будто читала по бумажке, приколотой у него на груди:

– Ты испуган... чувствуешь себя загнанным в угол... ты пошел... чтобы сказать Олегу... что тобой руководят, вынуждают... – Она посмотрела ему в лицо. – Принуждают? Кто тебя принуждает?

– Да никто!

Юлия тихонько рассмеялась, пытаясь его успокоить.

– Конечно, ты так считаешь! Я прекрасно это вижу.

Буркин мельком взглянул на телефон, стоящий на краю стола.

– Молодцов тебе звонил?

Юлия усмехнулась, как будто его вопрос позабавил ее.

– В этом не было необходимости. Олег очень близок к Вселенскому Сознанию. Сейчас я начинаю растворяться в его мыслях. – Взгляд ее стал жестким. – Антон, мне бы хотелось, чтобы у тебя дела обстояли так же хорошо.

Буркин вздохнул, спрятал лицо в ладонях, потом вновь поднял глаза.

– Ты сильно испуган, чего ты боишься? – спросила Лихова.

– Я не боюсь.

По крайней мере не боялся до этой минуты. Глаза Лиховой сузились и буравили его насквозь.

– Боишься, – сказала она сурово. – Тебя испугало, что нас сфотографировала репортерша из «Вечерки».

Буркин зло погрозил ей пальцем:

– Это была одна из тем нашего разговора с Молодцовым. Он наверняка тебе звонил!

Юлия кивнула и нимало не смущаясь согласилась:

– Ни у кого из нас нет тайн друг от друга, ты это знаешь.

Буркин понял, что лучше все рассказать.

– Я беспокоюсь за План. Нас становится слишком много, чтобы оставаться незамеченными. Я считаю, было неосторожностью с нашей стороны появляться вместе на людях. Каганов напал на след. Я думаю, ты знаешь, какие вопросы он задавал Олегу?

– Олег способен сам о себе позаботиться.

– А как мы позаботимся о Каганове?

– Тебе известно, что он говорил с Молодцовым о конфликте с дочерью? Для нас это весьма интересно.

– Ну и что же произошло между ними? – заинтересовался полковник.

– Она убежала из дома.

– И какие же выгоды мы можем извлечь из этого?

– Всеу свое время, Антон, нам незачем спешить.

– Я не совсем уверен в Каганове. Он не такой слабый противник, как Хромов. Арест Караваевой был ошибкой.

– Зато тебе удалось засветить пленку.

Буркин повернулся к ней:

– И к чему это привело? Представляю себе, что бы я подумал, если бы мне вернули камеру с засвеченной пленкой! Их не так легко провести!

Лихова обвила руками, будто ползучими растениями, шею Буркина.

– Но зато они уязвимы. Ты можешь сделать с ними что угодно, а уж я и подавно, – утешала она полковника.

– Ну да, как и все остальные, – проворчал Буркин.

Ему следовало бы предвидеть ее реакцию. Юлия враждебно смотрела ему прямо в глаза.

– И это вы успели обсудить сегодня с Олегом!

– Он тебе все доносит!

– Если бы он этого не сделал, то рассказали бы Хозяева.

Буркин пытался избежать ее взгляда. Он не выносил, когда Лихова превращалась из красавицы в отталкивающее омерзительное существо.

– Если наши отношения тебя не устраивают, я могу позаботиться, чтобы они закончились.

Буркин опустил глаза и простонал:

– Все в порядке. Меня все устраивает. Я... я только не хочу терять контроль над происходящим.

Он лихорадочно старался развеять ее сомнения, утихомирить и заставить поскорее отпустить его.

Юлия одарила его долгим и мучительным поцелуем вампира.

– Ты сам нуждаешься в хорошем контроле.

Лихова терзала его, а Буркин был перед ней совершенно беззащитен. Она крепко держала его, он целиком принадлежал ей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.